

Роман-фэнтези

ЯГИНЯ и КОЩЕЙ

Мудрость и бессмертие

Элеонора Нечаева

Элеонора Нечаева
Ягиня и Кощей.
Мудрость и бессмертие
Серия «Истории Буяна», книга 2

<https://litres.ru/73938899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Задолго до того, как зумер Никита получил три волшебных камня и отправился в сказочное путешествие, молодая колдунья Ягиня приняла самое трудное решение. Дочь владыки Нави, она привыкла жить по законам отца. Но встреча с солдатом Костей, томящимся в цепях без вины, меняет всё. Её жалость перерастает в любовь — и Ягиня решается на предательство. Ради него она готова бросить вызов Вию, Маране и самим законам Нави. Но какой ценой даётся свобода тому, кто был мёртв? «Ягиня и Кощей. Мудрость и бессмертие» — приквел к «Сказке о зумере Никите, о трёх камнях его волшебных и о лени его великой».

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Дочь Нави	9
Глава 2. Дар жизни	17
Глава 3. Услышанный голос	28
Глава 4. Закон есть закон	37
Глава 5. Сквозь стены	50
Глава 6. Тело под камнями	58
Глава 7. Хранитель сна	72
Глава 8. Материнский снег	81
Глава 9. Живая плоть	87
Глава 10. Отражение	94
Глава 11. Живое тело	107
Глава 12. Оживший клинок	120
Глава 13. Первая неловкость	129
Глава 14. Свадебные огни	139
Глава 15. Холодный совет	150
Глава 16. Свадебные хлопоты	156
Г	166
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Элеонора Нечаева

Ягиня и Кощей.

Мудрость и бессмертие

Пролог

Саратов. Квартира на девятом этаже. Осень за окном — серая, дождливая, с редкими просветами, которые напоминали Никита не смог бы сказать, что именно ему напоминают эти просветы. Но каждый раз, глядя на них, он улыбался.

Никита сидел за столом — тем самым, где когда-то стоял залитый колой монитор, а теперь лежали стопки книг с пожелтевшими страницами. «Мифы и легенды древних славян», «Фольклор восточных славян», «Былинный эпос в пересказе для студентов вузов». Книги пахли пылью, библиотекой и чем-то ещё — далёким, почти забытым, но согревающим душу. Он делал пометки на полях жёлтым маркером, иногда шевелил губами, повторяя имена богов и духов:

— Перун Велес Мокошь Вий — Он остановился на букве «В». — Вий. Отец Яги. Владыка Нави.

Мама зашла в комнату, поставила кружку с чаем на свободный угол стола. Посмотрела на сына — увлечённого, с горящими глазами, совсем не похожего на того заросшего

парня в трениках, каким он был ещё недавно.

— Ты чего бормочешь?

— Да так, вспомнил кое-что, — Никита отложил маркер, взял кружку. — Мам, а ты веришь, что можно стереть память? Выпить какое-нибудь зелье — и всё забыть?

Мама задумалась. Провела рукой по его волосам — как в детстве, когда он болел и лежал с температурой.

— Не знаю, сынок. Наверное, если очень больно — можно. Но я бы не стала. Даже плохие воспоминания — это всё равно часть тебя. Без них ты будешь неполным.

— Это ты мудрая, мам.

— Это я старая, — усмехнулась мама и вышла.

Никита проводил её взглядом, потом посмотрел на кружку. На дне расплывалось облачко заварки — то ли дым, то ли туман, то ли память, которую можно выпить и забыть — или, наоборот, вспомнить.

Он сунул руку в карман джинсов. Пальцы нащупали уголёк — чёрный, шершавый, всё ещё тёплый. Никита сжал его в ладони и закрыл глаза. В голове всплывали обрывки: странная избушка на курьих ногах, и Яга — старуха из сказок. Остров посреди бескрайнего моря, где говорил огонь по имени Знич. Лес Ряхи, в котором пирожки росли на соснах, а белки спорили по-человечьи. Замок Золушки с вечно грязными полами. Дворец царя Салтана, где он почти остался навсегда.

— Спасибо вам всем, — прошептал Никита. — За науку.

За новую жизнь.

Уголёк чуть потеплел — или показалось. Никита снова взялся за книгу.

Он улыбнулся своим мыслям. Учёба многое прояснила. Теперь он знал, что та самая Яга из избушки на курьих ногах — не просто старуха. В древних сказаниях говорилось, что она умеет превращаться: то ли старая и мудрая, то ли молодая и грозная. «Ведьма-оборотень», — писали в фолиантах.

Изучая мифы, Никита всё больше убеждался: он встретил именно её. Но видел только один облик — тот, что запомнился в избушке. Старуху. А как выглядит она по-настоящему? Молодая, сильная, опасная? Он не знал. И жалел об этом. «Хотя, — подумал он, — может, и к лучшему. Вдруг я бы испугался?»

Он не знал, что когда-то уже видел её превращение. Но память о том была стёрта навсегда, и только уголёк в кармане хранил тень того, что прошло.

Никита не знал, что та, кого он помнил как старуху, сейчас сидит в своей избушке и решает — помнить или забыть.

Ягиня сидела за столом — старым, деревянным, с ножнами от меча на одном углу и пучками сушёных трав на другом. Перед ней стояли две фляжки. Одна — глиняная, с обломанным краем, залепленная воском. Внутри — отвар из забудь-травы, тот самый, что стирает плохие воспоминания. Другая — стеклянная, прозрачная, с жидким, переливчатым зельем. Оно светилось изнутри — то зелёным, то золотым,

то багровым. Зелье памяти. Глоток — и ты снова там, в том времени, где всё только начиналось и заканчивалось.

Ягиня взяла глиняную фляжку, покрутила.

— Стоит ли помнить? — спросила она у кота.

Кот Баюн лежал на печи и смотрел на Ягиню, но ничего не ответил.

— Воспоминания всё ещё причиняют боль, — продолжала она. — Даже спустя столько лет. А я уже не молодая. Даже по меркам ведьм.

Она поставила глиняную обратно, взяла стеклянную. Та была холодной, почти ледяной. Зелье внутри колыхалось медленно, будто время для него текло иначе.

— Я могла бы выпить отвар из забудь-травы. И осталось бы только: Кощей — враг. Он в Нави. Больше ничего. Чисто. Легко.

Она сжала пальцы — стекло дрогнуло.

— Но прежде, чем решить, нужно понять. Готова ли я избавиться от этих воспоминаний? Или они — всё, что у меня осталось от той, другой жизни?

Она поднесла фляжку к губам.

— Второе зелье, — шепнула она. — Оно вернёт меня в те самые дни. Заставит пережить всё заново. И тогда я решу.

Баюн приоткрыл один глаз, посмотрел на неё — и снова закрыл. Он знал: Ягиня не спрашивает совета. Она просто говорит вслух.

— Будь что будет, — сказала Ягиня и обратилась к Баюну.

— А ты на хозяйстве. Смотри в оба. Если что-то случится, решай сам. Ты моя правая рука.

Кот коротко кивнул и вернулся в привычное положение.

Она откупорила стеклянную фляжку и сделала глоток. Зелье было горьким, как полынь. Тёплым, как свежая кровь. И сладким, как первая любовь, которая ещё не знает, чем кончится. Ягиня откинула голову, глаза закрылись, дыхание стало глубже, ровнее. Она провалилась в сон — глубокий, как колодец, — уже не осознавая, что спит.

Она мысленно вернулась в самое начало. Туда, где ещё не было вражды, где она ещё не стала старухой в избушке, а была молодой, гордой, опасной — и до безумия влюблённой. Туда, где впервые встретила Кощея и ещё не знала, чем всё обернётся.

Избушка замерла. Огонь в печи притих, будто слушал. Кот Баюн не шевелился, только жёлтые глаза его горели в полумраке, отражая свет догорающих углей. Ягиня спала. И видела сон.

Сон, который длился столетия.

Глава 1. Дочь Нави

Подземное царство Навь не знало солнца. Нет ни утра, ни вечера, ни дня, ни ночи — только давящий полумрак, густой как патока. Воздух пах сыростью, старой кровью и чем-то древним, что не имеет имени на языке живых.

Маленькая Ягиня сидела на корточках у резной ножки трона отца. Сколько ей лет? В Нави время текло иначе. Иногда казалось — родилась вчера, иногда — живёт уже тысячу лет.

Трон возвышался посреди залы, вырубленной в самой толще скалы. Стены покрывали письмена. Они светились тусклым багровым, когда Вий произносил заклинания. Ягиня любила водить по ним пальцем, пытаясь разобрать смысл, но отец говорил: рано.

— Всему своё время, — рокотал его голос откуда-то сверху.

Вий редко показывался во всей красе. Ягиня видела лишь жёлтые глаза — два болотных огня во тьме — да слышала низкий, скрежещущий голос, от которого содрогалась сама Навь. Остальное — огромное тело, тяжёлые веки, длинные ресницы — оставалось в тени.

Сегодня Вий был в хорошем расположении духа: только что вернулся из обхода владений, ему нравилось ощущать, как трепещут души мёртвых, когда он проходит мимо.

— Ягиня, иди сюда.

Она подошла к трону.

— Я дам тебе заклинание. Самое простое. Ты должна его улучшить, сделать сильнее, точнее, хитрее, обойти ограничения. Справишься?

— Справлюсь, — ответила она без тени сомнения. Она любила уроки магии, когда отец говорил с ней как с ученицей.

Вий медленно, очень медленно, поднял одно веко. Ягиня знала — его взгляд убивает, но не её. У неё был иммунитет — магия Вия текла в её жилах. Он поднял веко всего на мгновение, и из-под него вырвалась полоска древнего, дочеловеческого света. Письмена на стенах заструились, тени зашевелились, воздух наполнился шёпотом умерших.

Заклинание влилось в сознание Ягини не словами — оно стекло, как вода в трещину. Она почувствовала его форму, границы, слабые места.

— Защитный круг, — прошептала она. — Самый простой. Не пропускает низшую нечисть, но высшую пропускает.

— Да. Улучши.

Он опустил веко, свет погас, тени замерли, голоса умолкли.

Ягиня села на каменный пол, скрестив ноги, закрыла глаза и начала перебирать заклинание в уме, раз за разом, как чётки. Простенькая плетёнка — почти игрушечная. Её мож-

но усилить, если добавить

Так прошло несколько часов. Вий не мешал, замер на троне, только жёлтые глаза мерцали.

Наконец Ягиня открыла глаза.

— Я придумала. Нужно добавить песок из-под Чёрного Дуба, девять капель росы с паутины на могильном кресте и имя того, кого хочешь защитить, вырезать на внутренней стороне круга. Тогда круг не пропустит никого, кроме того, чьё имя внутри.

Вий молчал долго. Ягиня боялась — не рассердился ли? Но жёлтые глаза чуть потеплели.

— Хорошо, дочь. Ты мыслишь, как колдунья.

Ягиня улыбнулась. Похвала от отца — редкость.

— А теперь ступай. Мать вернулась, она будет в своих по-
коях.

Мать Ягиня видела реже, чем отца. Вий был здесь, в Нави, ему не было нужды подниматься в Явь. Здесь он — владыка, судья мёртвых, тот, чей взгляд обращает в прах. А у Мараны было много дел.

Ягиня нашла её в дальней зале, где стены сложены из костей, а пол затянут инеем. Марана стояла у зеркала — не обычного, а того, что показывает душу. На ней был длинный плащ из ночного неба, расшитый звёздами, которые гасли и загорались в такт её дыханию.

— Мама.

— Ягиня, ты опять занималась с отцом?

— Он дал мне заклинание. Я улучшила его.

— Молодец. — Марана погладила её по голове холодной рукой. — Но мне пора. Я ненадолго.

— Ты опять уходишь?

— Да. Души ждут. Много душ. Война на севере, мор в южных землях. Я должна собрать их, привести сюда, успокоить. — Она вздохнула. — И зима скоро. Моё время. Я почти не буду появляться.

Ягиня опустила голову. С приходом зимы мать уходила в Явь, управляла снегами и морозами, помогала земле заснуть. Тогда Марана почти не показывалась в Нави — иногда забегала на несколько мгновений отдохнуть и проведать дочь, а потом снова исчезала.

— Когда ты вернёшься?

— Когда отпоют капли. Потерпи, доченька. Ты уже большая. Сама справишься.

Она наклонилась, поцеловала Ягиню в лоб — губы холодные, как первый снег — и шагнула прямо в зеркало. Стекло дрогнуло, пошло рябью — Марана исчезла.

Ягиня осталась одна. Постояла у стен из костей, глядя на угасающие звёзды на плаще, который мать оставила висеть на спинке кресла. Потом развернулась и пошла прогуляться по Нави.

Она проходила мимо полукруглых стен, ограждающих мир живых от мёртвых. Стволы искалеченных деревьев росли прямо из них, как колья или копыя — дополнительные

стражи. Здесь всегда капала вода. Здесь брала свои истоки река Смородина, что разделяет Явь и Навь. Ягиня любила этот звук: кап, кап, кап. Вода падала с невидимых сводов, собиралась в чёрные лужицы, стекала в расщелины и уходила к Калинову мосту.

Марана когда-то рассказывала, что на поверхности есть такие же искалеченные территории Нави — голые деревья, земля вместо травы, солнца нет, только серое низкое небо, готовое раздавить тоской. Вход туда — через Калинов мост. Ягиня никогда не видела его, только слышала. Мать говорила: мост тонкий, как нить, и широкий, как поле, охраняют его те, кто уже не помнит своего имени. Шагнуть на него может только мёртвый — или тот, кто несёт смерть в руках.

Иногда души умерших заложных покойников, после столетних трансформаций превратившиеся в упырей и вурдалаков, прорывались к мосту. Тогда отец направлял отряды — тех, кто уже прошёл путь и был приставлен к страже. Вурдалаки выстраивались перед троном, Вий отдавал приказ одним движением века, и они бесшумно исчезали в темноте. Потом издалека доносились звуки — не человеческие, не звериные, какие-то иные. Ягиня затыкала уши и ждала, когда всё кончится.

А впереди слышались стоны и крики. Это души тех, кого Марана спустила в Навь с северной войны. Много душ. Умершие не своей смертью, а на поле боя, становились заложными покойниками. Такова их участь.

Ягиня шла по коридору, стоны становились всё громче. Она не боялась — привыкла. С детства её убаюкивали эти звуки, как других детей — колыбельные. Но иногда, когда крик становился особенно громким, Ягиня ускоряла шаг. Ей казалось, что кто-то зовёт её, узнаёт в ней не дочь владыки, а того, кто может помочь. Но помочь было нельзя.

Марана объясняла правила: «Сначала они должны искупить земные грехи, пройти очищение. Если пройдут путь с достоинством — трансформируются. Тогда отец пристраивает их, и они трудятся в Нави, более не испытывая мучений». Ягиня видела таких — угрюмые, молчаливые фигуры в дальних залах перебирают кости, чинят кладку, ухаживают за деревьями. Не жалуются. Просто делают своё дело. Иногда кто-то поднимал голову, и в глазах читался не пустота, а тяжёлый, выстраданный покой.

«Но есть и другие, — продолжала Марана. — Те, кто прошёл испытания, но не готов принять свою вину. Они молят о пощаде, сомневаются, выказывают слабость. Такие трансформируются, но остаются на цепи и продолжают путь новых испытаний».

Ягиня смотрела на них сквозь просветы между камнями. Они метались в камерах, бились о стены, выли. Некоторые — сутками, неделями. Другие затихали, а потом начинали с новой силой. Скрюченные пальцы с длинными ногтями царапали камень, оставляя глубокие борозды. Глаза горели зелёным — не жёлтым, как у отца, а лихорадочным, нездоровым.

вым, злым. У кого-то трансформация занимала десятки лет, у кого-то — сотни. Некоторые находились здесь чуть ли не с самого начала Нави — они уже забыли свои имена, забыли, кем были при жизни. Но память тела — того, что от него осталось в могиле — продолжала мучить их страхом, обидой, непросщением.

Ягиня проходила мимо очередной камеры и остановилась. Из-за решётки на неё смотрело лицо. Оно было старым и молодым одновременно, мужским и женским, человеческим — и не очень.

— Девочка, — голос был хриплым, но в нём слышалась странная, нечеловеческая твёрдость. — Помоги. Я не должен здесь быть. Я воин. Я умер с мечом в руке. Мне место в Ирии, а не в этой дыре.

Ягиня удивилась — обычно души только стонали или молили о пощаде. А этот спорил с самой судьбой.

— Не могу, — ответила она. — Ты сам должен пройти. Только сам. Ты заложный покойник. Тебя не закопали в землю, просто заложили камнями на поле боя. Ты умер преждевременно. И поэтому ты по праву здесь.

Она хотела уйти, но что-то заставило замешкаться. В голубых глазах из-за решётки горело что-то живое — ярость или отчаяние. Ягиня сунула руку в карман платья. На дне лежал чёрствый кусочек хлеба — она припрятала его с обеда, когда мать не видела. Свой запас.

— Это всё, чем могу помочь, — сказала она, просовывая

хлеб сквозь прутья. — Если отец узнает, он накажет меня. Мне нельзя помогать душам.

Незнакомец схватил хлеб с такой жадностью, будто не ел неделями. Жевал быстро, по-звериному, давясь, не замечая крошек. Потом поднял голову.

— Спасибо, — сказал он тихо.

Сердце забилося быстрее. Ягиня оглянулась — не идёт ли кто? Кажется, нет. Пошла дальше, не оборачиваясь. Хлеба в кармане больше не было.

Стоны остались позади. Капала вода. Росли искалеченные деревья. А впереди, в большой зале, ждал отец — великий и страшный Вий, владыка Нави. Завтра будут новые уроки магии. Новые заклинания. Новые тайны. И Ягиня хотела их узнать.

Потому что когда-нибудь она станет не ученицей, а учителем. Не дочерью — владычицей. Она не знала, когда это случится. Может, через сотни лет. Может, никогда. Но она готовилась.

А где-то там, в Яви, над Калиновым мостом, ветер гнул голые ветки, и река Смородина несла свои чёрные воды. И по ту сторону моста кто-то ждал. Тот, кто ещё не родился или уже умер.

Но Ягиня не думала об этом. Она думала о заклинаниях.

Глава 2. Дар жизни

Время шло — в Нави оно вообще измерялось иначе, чем наверху, но Ягиня чувствовала, как удлиняются её руки и ноги, как платья становятся коротки, а голос — ниже. Она росла.

Вий продолжал обучать её магии. Уроки становились сложнее: защитные круги, боевые заклинания, работа с зельями, призыв теней. Ягиня впитывала знания, как сухая земля — воду. Отец не хвалил, но и не ругал. Только иногда, когда она придумывала неочевидное решение, его жёлтые глаза чуть теплели. Этого было достаточно.

Марана же решила, что дочери нужны не только заклинания, но и умение держать меч.

— Моя магия тебе не передалась, — сказала она однажды, глядя, как Ягиня безуспешно пытается заморозить воду в кубке. — Управлять погодой или душами ты не сможешь никогда. Но воинское искусство — дело наживное.

Ягиня тогда расстроилась. Ей хотелось быть похожей на мать — такой же холодной, величественной, способной одним жестом остановить метель. Но Марана была права: магия Вия текла в её жилах, а магия Мараны — нет. Только заклинания, зелья, символы. И сила, которая жила где-то глубоко внутри, ещё не проснувшаяся до конца.

Сначала Марана тренировала её сама. Холодной рукой

поправляла локоть, ставила ногу, заставляла повторять удар снова и снова, пока ладони не стирались в кровь. Потом, когда Ягиня освоила базу, мать приставила к ней учителей из упырей-стражников — молчаливых, безликих существ, которые не уставали, не жаловались и били больно. Они учили её не только фехтованию, но и тактике, скрытности, умению выживать в бою.

— Пригодится, — коротко бросала Марана перед очередным своим уходом в Явь. — Мир живых жесток. Там не будет заклинаний на каждый случай.

Ягиня росла. И менялась.

К восемнадцати годам (если считать по земным меркам) она превратилась в высокую стройную девушку с густыми чёрными волосами — материнское наследство — и ярко-зелёными глазами. Не мутными, не больными, а чистыми, как молодая листва на солнце. Этот цвет прорывался из глубины тела, от её собственной, ни на кого не похожей магии.

Мама в шутку называла её «травницей».

— Ты вся в зелень, как весенний лес, — усмехалась Марана, поправляя прядь на лице дочери. — Колдунья из тебя выйдет, каких свет не видывал. Только не наша.

Ягиня не обижалась. Она и сама чувствовала, что внутри неё живёт что-то, чего нет ни у отца, ни у матери. Что-то тёплое, живое, не имеющее отношения ни к холоду Нави, ни к мёртвой магии Вия.

Однажды Марана взяла её на поверхность — на ту самую

мёртвую территорию Нави, что простиралась до Калинова моста. Ягиня никогда не была там прежде. Она смотрела на серое низкое небо — тяжёлое, давящее — и голые, искалеченные деревья, похожие на скрюченные пальцы. Земля была чёрной, без единой травинки.

— Это наша земля, — сказала Марана. — Мёртвая. Ничего не растёт.

Ягиня сделала шаг, потом другой. Странное тепло поднялось откуда-то из груди, разлилось по рукам, опустилось в пальцы. Она опустила взгляд — и замерла.

У её ног, прямо на чёрной, мёртвой земле, проклюнулась трава.

Маленькая, тонкая, ярко-зелёная — она росла прямо на глазах, тянулась к свету, которого здесь не было. Ягиня отступила на шаг — трава потянулась за ней. Ещё шаг — и ещё пучок зелени пробил мёртвую корку.

— Что это? — прошептала она.

Марана молчала. Только смотрела — пристально, с каким-то новым, доселе неизвестным выражением на ледяном лице.

Ягиня сделала несколько шагов в сторону. Трава росла за ней, как за королевой. Потом она подняла руку, и из чёрной земли выстрелил куст — низкий, корявый, но с живыми зелёными листьями. На ветках набухли почки.

— Этого не может быть, — сказала Марана. — Здесь никогда ничего не росло.

— А теперь растёт, — ответила Ягиня. Она смотрела на свои руки, на зелёные прожилки, которые на секунду проступили под кожей, а потом исчезли. — Это я сделала?

Марана подошла ближе, коснулась листа — живого, упругого. На её лице мелькнуло что-то, похожее на удивление, но тут же пропало.

— Ты не просто колдунья, дочка, — сказала она. — Ты — что-то новое. И это — она запнулась, подбирая слово, — это странно Твое предназначение не ясно.

Ягиня не поняла, что она имела в виду. Ей было не до предназначений. Она смотрела на зелёный островок, который расцвёл посреди мёртвой земли, и чувствовала, как внутри разливается странное, доселе неведомое тепло.

С тех пор Ягиня не могла остановиться.

Магия лилась из неё, как вода из переполненного кувшина — сначала робко, по капле, потом всё смелее. Она экспериментировала с каждым свободным мгновением. Сначала на мёртвой земле Нави, на той самой поляне, где впервые пробилась трава. Теперь там рос целый ковёр — зелёный, густой, с мелкими белыми цветами, которых никто никогда не видел в этих краях. Ягиня приходила туда каждый день, садилась в центр, закрывала глаза и чувствовала, как корни тянутся к ней, как листья поворачиваются вслед за её дыханием. Она могла заставить цветок раскрыться одним касанием. Могла ускорить рост ветки или заставить увядший стебель ожить снова.

Но земли Нави было мало. Ей хотелось настоящей жизни — той, о которой рассказывала мать. Где солнце, где реки с чистой водой, где деревья не скрючены болью, а тянутся к небу, радуясь свету.

И однажды она решилась.

Калинов мост она знала только по рассказам. Тонкий, как нить, широкий, как поле. Охраняют его те, кто уже не помнит своего имени. Ягиня шла к нему, и в груди застучало так, что перехватило дыхание — не от страха, а от предвкушения.

Мост встретил её тишиной.

Он висел над чёрной водой Смородины — хрупкий, почти прозрачный, сотканный из лунного света и тумана. Стражи — две неподвижные фигуры в рваных балахонах — даже не подняли голов. Они почуяли в ней кровь Вия и Мараны, и их безликие маски чуть дрогнули, пропуская.

Ягиня ступила на мост. Под ногами не было ни досок, ни камней — только зыбкая, едва осязаемая опора, которая держала её, пока она верила, что не упадёт. Она шла медленно, боясь вдохнуть лишний раз. Вода внизу шевелилась, как живая, тянулась к ней чёрными языками, но не доставала.

А потом мост кончился.

И мир взорвался!

Ягиня стояла на мягкой зелёной траве. Настоящей — не той, что она вырастила сама, а той, что росла здесь всегда, без чьей-либо помощи. Вокруг шумел лес — сосны, берёзы,

дубы, такие высокие, что голова шла кругом, пока смотришь на верхушки. Сквозь листву пробивалось солнце — живое, тёплое, настоящее. Она никогда не видела солнца. Только слышала о нём от матери. И теперь оно касалось её лица, и это было похоже на чью-то ласковую, бесконечно добрую руку.

Ягиня опустилась на колени, провела пальцами по траве. Влажная, прохладная, пахнувшая землёй и цветами. Пахнущая жизнью. Рядом журчал ручей — прозрачный, быстрый, с камешками на дне. Она зачерпнула пригоршню, попробовала. Вода была чистой, свежей, без привкуса тины и крови. Не то что зловонная Смородина.

Она пила и не могла напиться. Потом легла на спину, раскинув руки, и смотрела, как облака плывут по голубому небу. Одно облако было похоже на дракона, другое — на большой гриб. Ягиня засмеялась — тихо, неуверенно, а потом громче, потому что никто не запрещал ей здесь смеяться.

Дни в Яви складывались в недели, недели в месяцы. Ягиня перестала спускаться в Навь. Зачем? Там — холод, полумрак, стоны душ, вечное давящее присутствие отца. А здесь — солнце, ветер, запах цветущего вереска. Здесь можно было дышать полной грудью, не боясь, что кто-то сочтёт это слабостью.

Она исследовала лес, запоминала тропы, училась различать голоса птиц. Однажды набрела на границу — то самое

место, где Навь встречалась с Явью. Тонкая, едва заметная дрожь в воздухе, за которой начинались голые, искалеченные деревья. Своя — уже чужая — земля.

Ягиня остановилась на границе и вдруг поняла, что не хочет уходить. Но и жить без крова, под открытым небом, было неудобно. Особенно когда начинались дожди.

И она решила построить дом недалеко от границы.

Никто не учил её строить. Но магия помнила что-то древнее, глубинное, то, что не требовало слов. Ягиня подняла руки, и из земли на поляне начали подниматься брёвна — ровные, смолистые, пахнущие лесом. Они складывались сами собой, образуя стены, крышу, дверь. Она не планировала, не чертила — просто позволяла магии течь сквозь пальцы, и та находила форму сама.

Избушка получилась маленькой, немного кривой, с подслеповатым окошком и дверью, которая плохо закрывалась. Но это был её дом. Первый дом, который она построила для себя.

Она посмотрела на него и вдруг подумала: «Как же она будет стоять? На земле? Сгниёт же».

И тогда ей пришла в голову странная, абсурдная мысль.

Она вспомнила куриц, которых видела в Яви — суетливых, глупых, с огромными лапами. И почему-то представила, как избушка стоит на таких же лапах. Больших, костлявых, но подвижных. Чтобы можно было перенести её в другое место, если что-то пойдёт не так.

— А почему бы нет? — сказала она вслух.

На этот раз магия слушалась её не сразу. Лапы росли из нижних брёвен как попало — то слишком тонкие, то негнущиеся. Ягиня злилась, переделывала, снова злилась. Но наконец получились четыре куриные ноги — внушительные, с когтями, которые цепко впились в землю.

Избушка стояла на них, чуть покачиваясь, как живая.

Ягиня отошла на несколько шагов, скрестила руки на груди и долго смотрела на своё творение. Что-то в этом было нелепое, даже смешное. Маленькая, кривая избушка на куриных ногах — какая колдунья будет в такой жить?

И вдруг её прорвало.

Она засмеялась — звонко, заливисто, запрокинув голову. Смех вырывался из неё, освобождая от тяжести Нави, от вечного ожидания, от чувства, что она не такая, как все. Птицы, сидевшие на соседних ветках, подхватили её смех — запели, защёлкали, залились трелями. Из кустов выглянула белка, за ней другая, третья. На поляну, ступая осторожно, вышли несколько зайцев. Ёж, свернувшийся было в клубок, развернулся и потрусил ближе.

Ягиня перестала смеяться, огляделась. Звери смотрели на неё без страха. В их глазах не было ни злобы, ни боли — только любопытство и какое-то древнее, безотчётное доверие.

— Вы вы тоже чувствуете? — прошептала она.

Белка спрыгнула с ветки, пробежала по земле и забралась

на плечо Ягине. Села, прижалась пушистым хвостом к её щеке.

Ягиня осторожно поднесла руку — белка понюхала пальцы и лизнула их шершавым язычком.

— Вот так, — сказала Ягиня тихо. — Вот так, значит.

Она прожила в избушке несколько дней — или недель, сбилась со счёта. Привыкала к одиночеству, которого раньше боялась, а теперь оно казалось ей не тяжёлым, а сладким. Она собирала травы и корни — не мёртвые, из Нави, а живые, пахнущие солнцем и дождём. Сушила их, растирала в порошок, варила зелья. В избушке запахло полынью, мятой, зверобоем. На полках появились пузырьки и склянки — пока не очень много, но Ягиня знала, что это только начало.

Она оборудовала дом, как могла: принесла из леса плоский камень для очага, повесила на стену пучки трав, вырезала из дерева ложку и миску. Спала на лавке. Ей было хорошо.

Но в тихие вечера, когда солнце садилось за верхушки сосен и лес погружался в сумерки, её тянуло назад. Не в мрачную, давящую Навь, а к отцу. К его молчаливому присутствию, к урокам, к редким минутам, когда жёлтые глаза теплели. И к матери — даже если она снова ушла в Явь собирать души.

«Скажу ему про избушку, — думала Ягиня. — Навряд ли обрадуется. Но и не запретит. Ему всё равно, где я, пока учусь».

А может, это и есть её предназначение? Охранять грани-

цу между мирами? И к дому близко. И Явь с её зеленью — рукой подать.

Она заскучала. Захотелось поделиться своим открытием, своей маленькой смешной избушкой, своим звериным королевством.

Ягиня собралась. Взяла с собой несколько пучков сушёных трав — для зелий, которые хотела показать отцу. Поправила платье — уже не детское, а пошитое из грубой, но добротной ткани, с карманами, в которых лежали корешки и сушёные ягоды.

Она пошла к границе.

Калинов мост пропустил её назад, так же безмолвно, как и в первый раз. Стражи не подняли голов. Внизу, под Калиновым мостом, лениво ворочалась чёрная Смородина, пахнущая тиной и смертью. Ягиня почти забыла этот запах — и сейчас он ударил в ноздри, напоминая, где её настоящий дом. Холодный, тёмный, но свой.

Она шла по мёртвой земле Нави, пробираясь между искалеченными деревьями. Под ногами хрустел не песок, а мелкие кости — то ли звериные, то ли чьи-то ещё. Где-то стояли души — далеко, едва слышно, но эти звуки больше не пугали её. Она привыкла к ним за годы.

Ягиня смотрела вперёд, туда, где в глубине подземного царства ждал отец. И не знала, что в одной из камер, мимо которых она пройдёт, сидел тот самый солдат — голодный, грязный, с голубыми глазами, которые не потухли за годы

заточения. Она не знала, что он ждал её. Каждый день. Каждый час.

А он, тот самый солдат, которого она не помнила, слышал её шаги, её голос, её смех — и каждый раз замирал.

Ягиня думала о заклинаниях. О травах. Об избушке на курьих ногах.

А он думал о ней.

Глава 3. Услышанный голос

Ягиня буквально неслась по коридорам Нави.

Под ногами хлюпала вода, сочившаяся из каменных стен, но она не замечала — только считала удары сердца. В груди теснились слова, каждому хотелось вырваться первым: про избушку на курьих ногах, про зверей, которые вышли из леса и не боялись, про травы, что росли по одному её желанию. Она почти физически ощущала на губах вкус этих новостей — свежий, как утренний лес, — и не могла дождаться, когда поделится.

Она хотела рассказать отцу всё. Послушать его мудрые советы — редкие, скупые, но всегда точные. Узнать новые заклинания, которые сможет применить на границе миров. Может быть, он подскажет новые рецепты зелий из её корней — полыни, зверобоя, мяты, которые пахли солнцем и дождём, а не сыростью и тленом.

Шаги звонко отдавались от каменных сводов. Где-то вдалеке стонали души, но Ягиня уже не замечала их — привыкла. Она почти добежала до залы, где обычно занималась с отцом, когда из бокового прохода вынырнула чёрная фигура.

— Ягиня!

Резкий, гортанный окрик заставил её затормозить. Подошвы скользнули по каменному полу, она едва не упала, выставив вперёд руки для равновесия.

Перед ней стоял главный страж — старый вурдалак, которого она знала с детства. Его лицо было почти неразличимо в полумраке — только красные глаза горели тревожно, неестественно ярко. Обычно он не разговаривал с ней без нужды.

— Что случилось? — голос Ягини дрогнул, хотя секунду назад она улыбалась. Где-то под рёбрами неприятно сжалось, будто кто-то сжал кулак внутри.

— Марана привела слишком много душ. Заложных. Много — больше, чем обычно. Они вырываются! Боюсь, магия, что есть, их не сдержит. Пока мы позовём Вия, они уже вырвутся наружу.

Ягиня поняла сразу. Вий был могуществен, но он не мог быть везде одновременно. А души — особенно те, что умерли насильственной смертью, не своей волей, — всегда рвались на свободу, как звери в капкане. Если они прорвутся, побегут к Калинову мосту, а дальше — в Явь. К живым. Это грозило бедой.

— Это я могу, — сказала она твёрдо.

Усиление магии заточения было одним из первых заклинаний, которым научил её Вий. Он боялся за собственную дочь — не признавался в этом, но она чувствовала. Прежде всего он учил её защищаться от мира Нави и его возможных угроз. Знание, как укрепить цепи и двери, было важнее умения призвать тень или вырастить лес.

— Веди, — коротко бросила она.

Стражник развернулся и скользнул в боковой коридор.

Ягиня побежала за ним, перепрыгивая через трещины в полу, обходя лужицы чёрной воды, сочившейся из стен. Чем дальше, тем громче становились стоны, переходящие в крики, в вой, в металлический лязг цепей.

Они оказались в дальней, самой глубокой части Нави, где камеры теснились одна за другой, как пчелиные соты. Здесь воздух был густым, почти жидким, и пахло страхом — липким, кислым, невыносимым.

Ягиня остановилась перед первым рядом. Из-за решёток тянулись десятки рук — скрюченных, с длинными ногтями, ободранных до костей. Души бились о каменные стены, трясли прутья, рвали цепи.

Она не испугалась. В Нави не боятся. Нельзя бояться.

Ягиня сунула руку в карман платья, нащупала маленький холщовый мешочек. Внутри был порошок — смесь высушенной крапивы, истолчённого корня папоротника и пепла от костра, на котором жгли венки после Купалы. Вий учил её готовить его по особому рецепту, и теперь пришло время проверить, как работает.

Она что-то забормотала — быстро, почти шёпотом, чтобы слова не разлетались прежде, чем напитаются силой. Щепотку порошка высыпала на ладонь, дунула, и серая пыльца разлетелась мелким облачком, оседая на дверях, на цепях, на железных прутьях.

Заклинание легло ровно, знакомо. Губы Ягини изогнулись в улыбке — она знала, что получилось.

И цепи, и двери, и решётки засветились тусклым голубым светом — цвета инея на окне, цвета утреннего морозца. Свет побежал по металлу тонкими, как паутина, трещинами, заполнил замочные скважины, соединил звенья цепей в единое полотно.

А потом погас.

Тишина наступила не сразу. Сначала крики оборвались на полуслове — будто кому-то зажали рот. Потом затихли стоны, потом звон цепей; последние несколько звеньев продолжали дрожать, но магия успокаивала и их. Ягиня стояла, прислушиваясь к гулу в висках, и чувствовала, как заклинание вытекает из пальцев, оставляя в костях непривычную пустоту.

Души, которые секунду назад бились в истерике, затихли. Кто-то ещё дёрнул дверь — раз, другой. Железо глухо звякнуло, но не поддалось. Цепи натянулись, но не лопнули. Ещё несколько попыток — и вой стих, сменившись тяжёлым, обречённым молчанием. Заложные поняли: выход запечатан.

Ягиня выдохнула. От напряжения слегка кружилась голова, но она удержалась на ногах.

— Спасибо тебе, Ягиня! — главный страж склонился в низком поклоне, коснувшись рукой груди. — Ты спасла нас от многих бед.

— Передай отцу, что заклинания я усилила, — сказала она. — И что нужно проверить камеры на другом конце. Там, возможно, магия слабее.

— Будет сделано, госпожа.

Стражник выпрямился, развернулся и исчез во мраке, растворился между стенами как тень. Осталась только Ягиня, тусклый свет от догорающих факелов и тяжёлая, давящая тишина.

Она уже собралась идти дальше, когда из соседнего прохода, из-за колонны, донёлся тихий, хрипловатый голос:

— Так вот ты какая стала.

Ягиня вздрогнула. Рука сама потянулась к кинжалу, висевшему на поясе, но она не вытащила его — только сжала рукоять, готовясь к любой опасности.

Из тени выступил человек.

Первое, что она заметила, — он не вонял. В Нави всё пахло: сыростью, старым железом, разложением. Этот человек пах пылью и, как ни странно, хлебом — может быть, тем самым, что она дала ему много лет назад. Или просто памятью о хлебе.

Не упырь, не вурдалак, не стражник. Человек в цепях. Он был одет в рваный, грязный кафтан, какие носили северные воины — простой, без украшений, с продраным локтем и следами давно засохшей, чёрной крови. Лицо измождённое, с впалыми щеками и тёмными кругами под глазами. Но глаза... глаза были чистыми, голубыми, без того лихорадочного зелёного света, который горел у заточённых душ.

Ягиня узнала его не сразу. Прошло столько лет. Она была ребёнком, когда в последний раз стояла у этой камеры. А

теперь — взрослая девушка. Но голос... хриплый, твёрдый — говорящий как равный. И глаза. Голубые. Таких в Нави не было ни у кого.

— Ты... — она чуть прищурилась, вглядываясь. — Тот, кому я дала хлеб.

Он кивнул. Не опустил взгляд, не поклонился. Стоял, прислонившись плечом к каменной стене, и смотрел на неё.

— Давно не виделись, — сказал он. — Ты изменилась.

— Ты тоже, — ответила Ягиня, не зная, что ещё сказать. Внешность его изменилась — постарел, осунулся, но всё ещё оставался человеком. Не переродившимся, не перешедшим в ту стадию, когда душа теряет себя и становится упырём. — Ты... держись. Многие не выдерживают и десяти лет. А ты...

— Тринадцать, — поправил он. — Я здесь тринадцать лет. Или четырнадцать. Я сбился со счёта.

Ягиня мысленно хмыкнула. А этот стойкий. Может, и правда переродится? Пройдёт испытания, попадёт в Ирий — такое иногда случалось, хотя редко.

— Я слышал, как ты растёшь, — продолжил он, и голос его стал тише, почти задумчивым. — Слышал, как меняется твой смех. Как тяжелеет твой шаг. Ты перестала бегать — теперь ходишь, но я узнаю тебя по поступи за много шагов. Твой голос изменился, но я помню его — он снился мне.

Ягиня нахмурилась. Внутри шевельнулось что-то неприятное — не страх, скорее недоумение с примесью острой

брезгливости.

— Ты что, душегуб? — перебила она резко. — Ты поэтому здесь? Выслеживал и убивал людей?

Солдат не обиделся, даже не вздрогнул. Только усмехнулся — горько, одними уголками губ.

— Нет, я солдат. Я говорил тебе тогда — я воин. Но ты уже наверняка забыла. У вас, у принцесс, память короткая на таких, как мы.

Он отлепился от стены, сделал шаг вперёд — не угрожающе, скорее устало. Остановился на расстоянии вытянутой руки — настолько, насколько позволили цепи. Ягиня не отступила. Ей было не страшно. Интересно.

— Ты ничего такого не думай, — сказал он, кивнув в сторону темноты, где скрылись стражники. — Просто ты здесь больше всех похожа на человека. В отличие от этих... — он запнулся, но договорил: — от этих мертвецов.

Он перевёл взгляд на неё — мягкий, почти тёплый.

— Ты для меня как напоминание о том, что я ещё человек. Что я не забыл, как это — дышать полной грудью, смеяться, смотреть на солнце. Благодаря тебе я ещё не стал упырём. Не потерял себя.

Ягиня слушала его и не знала, что ответить. Внутри бо-
ролись два чувства: раздражение от того, что какой-то заточённый солдат осмеливается говорить с ней как с равной, и странная, незнакомая жалость. Совсем не та, что она испытывала к душам в камерах — отстранённая, почти гигиенич-

ная. А настоящая, тёплая, от которой щипало в груди.

— Ты странный, — сказала она наконец. — Не как другие.

— Я знаю, — ответил он просто.

Она хотела спросить, как его зовут — но передумала. Зачем? Он здесь, она там. Между ними — решётки, магия, разница миров. Спросит имя — станет чуть ближе, а приближать к себе заточённого солдата, пусть даже самого необычного из всех, было неразумно.

— Мне нужно идти, — сказала Ягиня. — Отец ждёт.

— Я знаю, — повторил он, отступая назад, в тень. — Ты всегда спешишь к отцу.

Она не ответила. Развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Шаг широкий, быстрый — почти бег. За спиной не было слышно ни звука, но она чувствовала — он смотрит ей вслед. И улыбается. Эту улыбку она не видела, но почему-то знала. Знала и злилась на себя за то, что ей это знание не нравится, но и не против.

В голове путались мысли: про избушку, про зверей, про солнце, про отца, про новые заклинания. И про него — того, с голубыми глазами, который ждал её тринадцать лет.

«Ничего, — подумала Ягиня, сворачивая в главный зал, где уже виднелся трон отца. — Ничего. Я придумаю, как с этим быть. Потом».

Вий ждал. В полумраке тронного зала его жёлтые глаза светились ровно, без тепла — так тлеют угли в глубоком пепелище. Ягиня почувствовала привычное спокойствие, воз-

— вращаясь к нему, к его силе, к его молчаливому присутствию — единственной постоянной вещи в её жизни.

Она забудет про солдата. Забудет, как только начнётся урок. Или нет.

Она почти поверила в это — пока не поймала себя на том, что сжимает в кармане пустой мешочек для трав, в котором она когда-то прятала хлеб.

— Здравствуй, отец, — сказала она, подходя к трону. — У меня для тебя новости.

— Я всё знаю, дочь моя. — Голос Вия прозвучал низко, спокойно. — Я не против, чтобы ты охраняла границу. Сама ты — как мост между Навью и Явью. А теперь покажи, что принесла.

Ягиня разложила коренья. Рассказывала о новых зельях, которые уже придумала. Вий слушал, изредка поправлял, подсказывал, как усилить настойку.

А в темноте коридора, там, где кончался свет факелов, солдат с голубыми глазами прижался спиной к холодной стене и закрыл веки. Он слышал её голос, её смех, её шаги — и этого ему было достаточно, чтобы прожить ещё один день в Нави. Она не спросила его имени. Но он знал — в следующий раз спросит. Или нет. Он будет ждать.

Он всегда будет ждать ту, память о которой помогала оставаться человеком.

Глава 4. Закон есть закон

Ягине давно пора было возвращаться на границу миров. Она ждала этого момента так долго, что теперь, когда свобода сама шла в руки, не могла поверить. Должность хранительницы границы миров звучала гордо. Но Ягиня не обманывалась: отец давал ей не столько власть, сколько привязь. Подальше от Нави — но и не слишком далеко. Ровно настолько, чтобы в любой момент дотянуться.

Однако она не торопилась: из головы не выходил тот солдат.

Она не ходила к нему — ни на следующий день, ни через три, — но думала о нём постоянно, и каждый раз, проходя мимо коридора, ведущего к дальней камере, сердце на мгновение замирало. Она даже не знала его имени. А он знал её — слышал, запоминал, ждал.

«Почему он здесь?» — размышляла Ягиня, расхаживая по своей комнате в Нави. Стены давили привычной сыростью, где-то за ними монотонно капала вода. — «Он ведь не какой-то злой преступник. Не убийца, не насильник. Обычный солдат. Война. Убитых на поле боя часто не хоронят, а просто засыпают камнями. Он здесь по сути ни за что».

Она остановилась, провела пальцами по холодному, скользкому от влаги камню.

«Он здесь из-за дурацких правил, установленных отцом».

Только погребённые в земле — и безгрешные — попадали в Ирий, светлый мир, где души обретали покой. Заложённые — те, чьи тела не предали земле, или те, кто умер не своей смертью, — оставались в Нави. Искупали. Страдали. Перерождались в упырей и вурдалаков — или, если проходили путь, становились стражами. Редко кто попадал отсюда в Ирий.

Ягиня была против этого правила с детства. Она спорила с отцом, задавала вопросы, которые он не хотел слышать: «Почему они должны мучиться, если просто не повезло умереть в поле? Почему не отправлять невинных в Ирий, независимо от того, как они умерли?»

Вий отрезал коротко, жёстко, и голос его скрежетал, как несмазанный засов: — Закон есть закон. Живые знают правила. Если человек не позаботился о своём погребении, если его близкие бросили тело — это их выбор. Или его собственная судьба. — Но они же не специально! — горячилась Ягиня. — Война, болезни, набеги — кто успевает думать о могиле, когда умираешь от стрелы в спину? — Тем хуже для них, — отвечал Вий, и его жёлтые глаза не выражали ни жалости, ни сомнения.

Споры заканчивались ничем. Ягиня уходила обиженной, а закон оставался незыблемым.

Но сейчас, когда она снова вспомнила голубые глаза за решёткой, внутри закипела злость — глухая, бессильная ярость. И одновременно странное, щемящее желание понять

того, кто томится в цепях, кто не просил о пощаде, но и не сломался.

Она не заметила, как в своих размышлениях снова оказалась у камеры.

Коридор был пуст — стражи ушли в другую часть Нави, души уgomонились после её заклинания. Только тишина, только капли воды с потолка — *кап, кап, кап* — да тяжёлый запах сырости и старого железа.

— Ты снова здесь? — окликнул голос из полумрака.

Ягиня вздрогнула — не от страха, от неожиданности.

Солдат стоял у колонны, всё так же в цепях. Они тянулись от его запястий и щиколоток, впиваясь в камень, но он всё равно держался прямо — будто сама поза говорила: «Я не сдался».

— Ты зачастила, — продолжил он, и в голосе его послышалась лёгкая усмешка. — Раньше ты не заходила сюда годами. А теперь прошло только несколько дней. Если я правильно ощущаю время.

— Здесь время идёт иначе, — ответила Ягиня, подходя ближе к решётке. — Но ты прав. Прошло несколько дней.

Она остановилась в шаге от прутьев, вглядываясь в его лицо. Ей хотелось запомнить каждую черту, понять, кто он на самом деле. Но годы в Нави не прошли даром: лицо его было измождённым, с глубокими тенями под глазами, с бледной, почти серой кожей. Он почти не отличался от других заключённых — такой же осунувшийся, такой же чужой. Только

глаза оставались нетронутыми. Голубые, чистые, живые.

— Каким ты был при жизни? — неожиданно спросила Ягиня.

— Что? — Он чуть наклонил голову, будто не расслышал.

— Ну каким ты был? Что делал, чем занимался? Где родился? Кто твои родители? Расскажи мне.

Она опустила на каменный пол прямо напротив решётки, подогнув под себя ноги, и устроилась поудобнее. Платье расправилось вокруг неё тёмным пятном на серых плитах. Она смотрела на него снизу вверх, и в её взгляде не было высокомерия — только живое, искреннее любопытство.

Солдат помолчал. Потом усмехнулся — на этот раз не горько, а почти тепло.

— У меня не было собеседника долгие годы, — сказал он. — Я с удовольствием расскажу тебе всё.

Он сел на корточки, насколько позволяли цепи, и его глаза встретились с её — без страха, без лести, просто два человека в царстве мёртвых.

— Звали меня Костей, — начал он. — Полное имя — Константин. Заморское имя. Мать дала — она была родом из чужих земель. Говорила, что так хочет сохранить связь со своим народом. Отец был местный, крестьянин. Жили мы небогато, но и не бедствовали.

Он замолчал, будто возвращаясь в тот мир, которого больше не существовало: в запах свежего хлеба, в тепло очага, в голоса, которые умолкли навсегда.

— А потом пришли кочевники. Сожгли деревню. Родителей убили. Я успел убежать — маленький, шустрый, спрятался в погребе. Кругом пепел, трупы, тишина. Меня подобрало царское войско, не успевшее прийти на защиту. Командир пожалел, взял в обоз.

— Сколько тебе было? — тихо спросила Ягиня.

— Лет семь. Может, восемь. Дальше я рос во дворце — сиротой при полку. Меня учили грамоте, ратному делу. Я хотел мести — найти тех кочевников и уничтожить. Учился так, что через несколько лет мне не было равных в бою среди моего возраста.

— Ты стал воином.

— Да. Меня повесили, дали отряд. Мы выследили кочевников — они уже объединили племена, собрали огромное войско. Мы напали первыми. Я думал, внезапность решит всё. Но нас было слишком мало. Моих ребят перебили за полчаса. Я видел, как падают те, кого я учил, с кем делил хлеб и плащ. Последним убили меня.

Костя опустил голову. Пальцы его, сжатые в кулаки, дрожали — то ли от холода, то ли от воспоминаний.

— Кочевники не хоронят поверженных. Тела заваливали камнями, чтобы звери не растащили. Поэтому я здесь.

Он поднял взгляд. Глаза его были сухими — годы в Нави вытравили даже слёзы.

— Это несправедливо, — пробормотала Ягиня. — Ты не заслужил этого. Никто из вас не заслужил.

Она встала, одёрнула платье.

— Я поговорю с отцом. Может, он что-то сможет сделать.

— Это навряд ли, принцесса, — Костя усмехнулся, но без обиды. — Закон есть закон. Я это уже усвоил.

— Отец прислушается ко мне, — ответила Ягиня, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она чувствовала.

Она ушла, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. В груди бушевал огонь несправедливости — горячий, почти обжигающий.

Вий принял её в большом зале. Жёлтые глаза его светились ровно, без малейшего намёка на тепло. Он не спрашивал, зачем она пришла — он знал всё.

— Отец, — начала Ягиня, подходя ближе к трону, — я хочу просить тебя об изменении закона о заложных.

— Мы с тобой об этом уже говорили, — ответил Вий. — Нет.

— Но почему? Тот солдат, с которым я говорила он не преступник. Он погиб, защищая свою землю.

— Закон есть закон. Живые знают правила. Если человек не позаботился о своём погребении — это его вина. Или судьба.

— Но он не специально! — горячилась Ягиня. — Война, набеги — кто успевает думать о могиле?

— Тем хуже для него, — отрезал Вий, и его голос прозвучал как приговор.

— Можно же сделать исключение для тех, кто погиб в

бою, защищая других!

— Нет. Исключение для одного — лазейка для всех. Ты думаешь, дело в камнях и могилах? Нет. Душа сама знает, куда ей идти. Закон только пишет то, что уже предрешиено судьбой.

Ягиня смотрела на отца, и вдруг он показался ей не владыкой Нави, а частью этих стен — такой же древний, негнущийся, вросший в трон корнями, которые не вырвать. Она поняла: переубедить его — всё равно что уговорить камень упасть вверх.

Ягиня вышла от отца, чувствуя, как внутри всё кипит. Но у неё оставался ещё один шанс — мать. Марана иногда смягчала решения Вия, они правили вместе.

Она пошла в залу из костей. Стены здесь были сложены из побелевших черепов и рёбер, пол натянут инеем, а воздух пах вечной зимой. Марана стояла у своего зеркала — того самого, что показывало не лицо, а душу. Плащ из ночного неба струился по её плечам, звёзды на нём гасли и загорались в такт дыханию.

— Мама, скажи отцу. Вместе вы можете изменить закон.

Марана не обернулась. Только кончики её пальцев, холодные и белые, чуть дрогнули на краю зеркала.

— Я не стану вмешиваться в его законы, — ответила она.
— И не советую тебе.

— Но это несправедливо! Ты же сама приводишь души. Ты видишь, как они мучаются.

— Справедливость — понятие человеческое, — сказала Марана, и в голосе её прозвучала усталая жестокость. — В Нави есть порядок. Уважай его.

— А если я не хочу его уважать?

— Тогда ты пойдёшь против семьи. И проиграешь.

Марана наконец повернулась — но только затем, чтобы отвернуться к зеркалу, давая понять: разговор окончен.

Ягиня пришла к камере снова не на следующий день — через несколько. Костя стоял у колонны, такой же измождённый, но с живыми глазами, в которых уже читалось понимание.

— Не получилось? — спросил он, не дожидаясь её слов.

Она подошла к решётке, опустив взгляд. Руки дрожали — от бессилия, от стыда, от того, что она не могла ему помочь.

— Откуда ты знаешь? — удивилась она.

— По твоим глазам. И по тому, что ты здесь, а не он. — Он усмехнулся. — Не переживай, принцесса. Я привык.

— Меня зовут Ягиня, — сказала она. — Не «принцесса». Просто Ягиня.

— Ягиня, — повторил он медленно, пробуя имя на вкус. — Красивое. Необычное. Как ты сама.

Их встречи стали чаще. Сначала раз в неделю, потом — каждый день по меркам Нави.

Костя рассказывал о своей жизни — не только ту страшную историю, но и мелкие, тёплые воспоминания. Как отец учил его держать топор, придерживая детскую руку своей

широкой ладонью. Как мать пекла хлеб с травами, и запах разносился по всей избе. Как он впервые увидел море, когда войско шло на север — серое, бескрайнее, шумное. Как мечтал после войны вернуться в деревню и отстроить всё заново.

— Я даже имя придумал для сына, если он когда-нибудь родится, — говорил он с лёгкой, почти неслышной грустью. — Игорь. В честь деда.

Ягиня слушала, прислонившись к холодной стене. Иногда садилась на пол и смотрела на него снизу вверх.

— А что ты делала в детстве? — спросил он однажды.

— В Нави нет игр, — усмехнулась она. — Только уроки магии, заклинания, цепи и стоны душ. Мать учила меня держать меч — говорила, что мир живых жесток. И я научилась.

— А что ещё ты умеешь?

— Я могу растить траву там, где ничего не растёт. На мёртвой земле Нави. Это бесполезно, но это моё.

— Это не бесполезно, — сказал Костя. — Это чудо. Может быть, ты просто не там его делаешь. Может быть, твоё место — там, где светит солнце.

Она задумалась. Вспомнила свою избушку на курьих ногах, лес, зверей и птиц. Он был прав. Её место было там.

С каждой встречей Ягиня убеждалась: Константин — не преступник. Не злодей. Он здесь по ошибке. Он заслужил Ирий, а не этот холод, не цепи, не превращение в упыря.

— Почему ты не озлобился? — спросила она однажды. — Ты видел, как другие превращаются в чудовищ. Почему

остался собой?

— Потому что я помню, — ответил он. — Тепло солнца. Влажную землю после дождя. И твои глаза — в тот день, когда ты дала мне хлеб. В них была жизнь. Настоящая. Я держался за это.

Ягиня опустила глаза, чувствуя, как что-то горячее подступает к горлу.

— Я не могу ничем тебе помочь. Отец не изменит закон.

— Ты уже помогла, — сказал он тихо. — Ты пришла. Ты слушаешь. Для меня это больше, чем все законы Нави.

Она снова ходила к отцу. И к матери. Снова и снова, пока голос не начинал срываться от отчаяния.

— Отец, хотя бы рассмотри каждого отдельно. Не всех, только тех, кто погиб в бою.

— Нет.

— Мама, ты можешь смягчить его решение.

— Нет.

Однажды Ягиня даже заплакала — перед матерью, чего не делала с самого детства. Слезы лились сами собой, горячие, солёные, и она стыдилась их, но не могла остановиться. Марана не смягчилась — только смотрела своим ледяным взглядом и молчала.

— Твоя жалость погубит тебя, дочка. Этот солдат может оказаться совсем не тем, кем ты его представляешь.

— Но я хочу дать ему шанс!

— Шанс? — переспросила Марана, и в её голосе прозвуч-

чала холодная насмешка. — И кто ты, чтобы давать шансы? Ты даже не стала ещё полноценной колдуньей. Ты — ребёнок.

Она отвернулась к зеркалу, и в его глубине поплыли чужие, мёртвые лица.

После последнего разговора Ягиня вернулась в свою комнату. Не находила себе места. Металась из угла в угол, не могла ни читать, ни заниматься зельями — мысли рвались к одному.

«Отец не изменит закон. Мать не поможет. Если я ничего не сделаю, он превратится в упыря. Забудет своё имя, свою жизнь, меня. А я буду знать, что могла — но не решилась».

Она подошла к большой щели в стене, посмотрела на мёртвые звёзды Нави — холодные, равнодушные, как сам этот мир.

«Я не могу изменить закон для всех. Но я могу спасти одного. Хотя бы одного».

Холодное, опасное спокойствие разлилось по телу. Она почти физически ощутила его — как ледяную воду, которая опускается в лёгкие и заставляет дышать глубже.

«Это измена. Предательство. Но это правильно».

Она села на лавку. План ещё не сложился, но появился первый контур: найти тело, восстановить его, обмануть отца хотя бы на время.

Она пришла к камере, когда в коридоре никого не было. — Константин, — сказала она, подходя к решётке. — Где

твоё тело? Где поле боя?

— Зачем тебе? — удивился он, но в его голосе уже звучала надежда — осторожная, почти испуганная.

— Я хочу тебя спасти. Не знаю как, но попробую. Если найду останки, может быть, смогу восстановить их. Вернуть тебя к жизни.

Костя долго молчал. Капли воды отсчитывали секунды.

— Если ты это сделаешь я буду вечно благодарен. Но если отец узнает

— Не узнает, — перебила Ягиня. — Или узнает — не важно. Я решила.

Он назвал место. Рассказал приметы — каменные насыпи, искалеченные деревья, направление ветра.

— Ты уверена? — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

— Никогда не была так уверена.

Она развернулась и пошла, не оглядываясь. Коридоры Нави приняли её в темноту, и в этой темноте Ягиня вдруг почувствовала себя не дочерью владыки, а заговорщицей. Страх не было — только холодная, чистая решимость.

«Отец не изменит закон. Никогда. Не для Кости, не для других. Значит, я изменю его сама. Хотя бы для одного человека».

Она вышла к Калинову мосту. Чёрная вода Смородины плескалась, источая зловонный запах. Ягиня остановилась на середине, посмотрела вперёд, туда, где едва заметно сияла граница с Явью.

— Я смогу всё изменить. Я сделаю всё сама, — прошептала она ветру.

Ветер рвал волосы, трепал платье, но Ягиня не чувствовала холода. Внутри неё горел огонь — не тот, что согревает, а тот, что сжигает всё на пути, не спрашивая разрешения.

План зрел в её голове — медленно, осторожно, боясь рассыпаться.

Измена. Предательство. Но — правильно.

А Костя, оставшись в темноте, тихо прошептал в пустоту: — Спасибо, Ягиня. Спасибо, что не сдалась.

И он снова улыбнулся — уже не ожидая чуда, но всё ещё веря в неё.

Ягиня пересекла Калинов мост, и чёрная вода осталась позади. Впереди ждала избушка. И тишина. И мысли, с которыми предстояло жить дальше.

И план, который уже начал обретать форму.

Глава 5. Сквозь стены

План был.

Действовать нужно было немедленно.

Ягиня неслась сквозь лес, не разбирая дороги. Ветки хлестали по лицу, корни норовили подставить подножку, но она не останавливалась. В лёгких пекло — каждый вдох давался с болью. Сердце ухнуло куда-то вниз, а потом забилося где-то у горла. «Всё, что мне нужно, в избушке, — пульсировало в висках. — Только добраться».

Стена выросла перед ней внезапно. Она не успела затормозить.

Удар.

Она врезалась — всем телом, лбом, плечом. Боль вспыхнула в голове, перед глазами поплыли круги, ноги подкосились. Её отбросило назад, и она рухнула на пол, больно ударившись копчиком о доски.

— Ох — выдохнула она, хватаясь за голову.

На лбу мгновенно набухла болезненная шишка — горячая, пульсирующая.

Ягиня лежала на спине, глядя в потолок из потрескавшихся брёвен, и пыталась понять, где находится. Перед глазами всё плыло, голова гудела. «Где я?» — спросила она вслух, не узнавая собственного голоса.

Зрение медленно восстанавливалось. Размытые пятна со-

бирались в очертания. Тёмные стены. Печь в углу. Пучки сушёных трав под потолком. Окно, в которое пробивался слабый лунный свет.

Она огляделась — и узнала.

Избушка. Её избушка на курьих ногах. Граница миров. Явь и Навь здесь соприкасаются, но она она даже не вошла. Она просто захотела оказаться здесь — и оказалась.

— Я так могу? — голос звучал хрипло, но в нём прорезалось изумление. — Это же телепортация. Редкий дар.

Она приподнялась на локтях, потрогала шишку — та болела, но терпимо.

— Ого — прошептала Ягиня.

Но радоваться новому дару было некогда.

Костя томился в Нави. Его превращение в упыря ещё не началось — но могло начаться в любую минуту. Дни, часы, может быть, мгновения. Ягиня не знала точно — в Нави время текло иначе, и даже она, дочь владыки, не всегда улавливала тот миг, когда душа переставала быть собой и перерождалась в нечто иное.

Она вскочила. Голова закружилась — пришлось ухватиться за стену.

«Если трансформация начнётся, — пронеслось в голове, — я уже не смогу помочь. Он станет упырём. Потеряет себя. Забудет даже своё имя, и я не смогу провести его через мост».

Она бросилась к полкам, где хранились запасы.

А ещё — вездесущий Вий. Отец, который видел всё, что происходит. Он мог наблюдать за ней и сейчас. Если поймёт её замысел — усилит охрану или наложит древнее заклинание, которого Ягиня не знала. И тогда она тоже не сможет помочь.

Времени не было.

Ягиня схватила самый большой мешок — из грубой мешковины, с длинными завязками. Набросила на плечо — съезжал. Быстро смастерила из верёвок лямки, затянула узлы, подогнала под рост. Получилось неказисто, но надёжно.

В мешок полетело всё без разбора.

Склянки с зельями — те, что лечили, те, что усыпляли, те, что открывали замки. Коренья в холщовых мешочках — заговорённые, сушёные, истолчённые в порошок. Пучки трав — полынь, зверобой, крапива, что-то ещё, названий которых она сейчас не вспоминала. Несколько камней с вырезанными рунами. Кусок чистого воска. Огниво.

«Всё может пригодиться, — лихорадочно думала она. — Всё, что знаю, всё, что умею. Всё, чему учили отец и мать».

Она не разбирала, не сортировала. Просто хватала и кидала. Мешок тяжелел, лямки врезались в плечо.

Когда на полках почти ничего не осталось, Ягиня остановилась, перевела дух. Прислушалась к себе.

«Гримуар, — вспомнила она. — Мне нужен Гримуар. Там есть нужные обряды и заклинания».

Она открыла небольшой подпол, закрываемый на ключ и

закреплённый магией. Там хранилась только одна вещь — её личная книга ведьмы, куда она записывала рецепты зелий, заговоры, ритуалы и правила работы с травами.

Ягиня быстро листала страницы.

— Вот он, — пробормотала она. — Обряд, позволяющий оживить душу Мне нужен глаз. — Она замерла. — Вот, недочка! Как же я могла забыть? Мне нужно вернуться в Навь.

Она не знала, сколько у неё времени. Может быть, годы. А может, минуты. Нужно было сделать всё быстро.

«Телепортация, — подумала она. — Я могу перемещаться туда, куда захочу».

Она закрыла глаза, сосредоточилась. Представила Навь: тёмные коридоры, каменные стены, капли воды с потолка. Камеры. И Костю — в цепях, у колонны. Его голубые глаза, которые ждали.

— Навь, — прошептала она. — Мне нужно туда.

Ничего. Только слабое дуновение воздуха, будто кто-то вздохнул у неё за спиной.

Она попробовала снова — чётче, сильнее, вкладывая всю волю в одно желание. Ей нужно было в Навь. Там был глаз. Там был древний меч — он тоже мог пригодиться.

И снова ничего.

Ягиня открыла глаза.

— Навь не пропускает, — заключила она. — Нельзя телепортироваться из Яви в Навь. Или я ещё не научилась, или это запрещено самой природой или отцом.

Она закусила губу, но сдаваться не собиралась.

— Тогда к мосту. Давай к Калинову мосту.

Она закрыла глаза, представила его: тонкую нить над чёрной водой, стражей в рваных балахонах, которые почуют её, но пропустят — она не чужая. Уже знакомый дрожащий воздух, мост под ногами.

И когда она открыла глаза, то едва не упала.

Мост.

Прямо перед ней.

Она стояла на берегу Яви, у самого края чёрной Смородины. За спиной шумел лес — тот самый, где она строила избушку, где звери выходили на её смех. А впереди, над водой, вилась хрупкая, сотканная из лунного света и тумана нить.

— Только сюда, — вслух сказала Ягиня. — Дальше пешком.

Она проверила мешок — на месте, лямки не развязались. Поправила платье, стряхнула прилипшую хвою.

Шаг на мост.

Мост принял её, как всегда, — беззвучно, без колебаний. Стражи даже не подняли голов. Они узнали кровь Вия, узнали дочь владыки — и пропустили.

Чёрная вода внизу плескалась, выдавая причудливые образы. Но Ягиня не смотрела вниз — только вперёд, туда, где мост кончался и начиналась мёртвая земля Нави.

Она сошла на берег. Твёрдая, холодная земля встретила её тишиной.

— Теперь пешком, — повторила она.

Дальше — только ногами. По мёртвым тропам, между исколеченных деревьев, мимо камер, где выли и стонали души, мимо стражей, которые могли заметить её и доложить отцу.

Ягиня шла быстро, почти бежала. Скрюченные ветки цеплялись за платье, как пальцы мертвецов. Она отдираала их, не останавливаясь. Платье треснуло по шву, но ей было всё равно.

«Успею, — стучало в голове в такт шагам. — Должна успеть».

Она не знала, сколько прошло времени — минуты или часы. Но чувствовала: отец может появиться в любую секунду. Или один из стражей донесёт. Или Костя

Мысль оборвалась.

Она добежала до знакомого коридора, свернула. Ещё один поворот, ещё. Камеры тянулись по бокам, но Ягиня не смотрела на них. Она знала, где он.

Остановилась.

Тяжело дыша, прижавшись спиной к стене, она перевела дух. Потом отлепилась, поправила лямки мешка и шагнула в проход.

Костя стоял у колонны. Услышав шаги, поднял голову. Глаза — голубые, живые — расширились от удивления.

— Ягиня? — спросил он. — Ты вернулась?

Она подошла к решётке, вгляделась в его лицо. Внутри всё дрожало — не от страха, от решимости.

— Мне нужен твой глаз, — твёрдо сказала Ягиня. — Глаз — зеркало души, её часть. По нему я найду твоё тело.

— Часть души? — голос Кости дрогнул. — Это больно?

— Не знаю, — честно ответила она. — Но по-другому не получится.

Она шагнула ближе к прутьям. Костя стоял неподвижно.

— Не бойся.

Она протянула руку сквозь решётку. Пальцы коснулись его виска — и прошли насквозь. Как сквозь воздух, как сквозь туман.

— Ты бесплотен, — напомнила Ягиня. — Сейчас я могу взять только то, что принадлежит душе.

Она сосредоточилась. Пальцы нащупали тонкую, как паутина, нить — ту, что связывала душу Кости с его глазами. Ягиня взялась за неё и мягко потянула.

Глаз — голубой, как ясное небо, как вода в горном ручье — отделился от лица Кости и перешёл в её ладонь. Он был тёплым, живым, и внутри него мерцала крошечная искра — частица того, кто когда-то был человеком.

Костя не почувствовал боли. Вообще ничего — только странную пустоту там, где раньше что-то было. Он интуитивно поднёс руку к лицу, прикрыл глазницу.

— Не трогай, — мягко сказала Ягиня. — Глаз вернётся, когда всё закончится. Я сохраню его. Обещаю.

Она завернула глаз в кусок чистой ткани и убрала в специальный мешочек на поясе.

Костя опустил руку, посмотрел на неё единственным взглядом — и улыбнулся. Не горько, а почти успокаивающе.

— Я верю тебе, — сказал он.

Ягиня кивнула. Внутри всё сжалось — от ответственности, от страха, от странной, незнакомой нежности, которая вдруг вспыхнула в груди.

— Я найду твоё тело, — пообещала она. — Восстановлю тебя. А ты ты жди.

Костя протянул руку сквозь решётку — хотел коснуться её щеки. Но пальцы прошли сквозь.

— Бесплотен — вспомнил он.

— Надеюсь, это ненадолго, — ответила Ягиня. — Мне нужно ещё кое-что забрать в Нави. А ты держись. Держись за свою память. Не смей превращаться. Дай мне время.

Костя молчал. Только смотрел на неё, не веря. Потом медленно, очень медленно его губы тронула улыбка.

— Буду держаться изо всех сил, — сказал он. — Буду думать о тебе.

И в этот момент где-то в глубине Нави, в большом зале, на троне из корней и пепла, Вий медленно поднял голову. Жёлтые глаза сузились.

Он прислушался к темноте, но стоны душ звучали привычно, а магия Нави текла ровно, без сбоев.

Вий опустил веки. Возможно, почудилось.

Глава 6. Тело под камнями

А где-то далеко-далеко в нашем времени, на острове посреди бескрайнего моря, горел ровный огонь. Знич думал — насколько может думать пламя, у которого нет ни мозга, ни сердца, но есть память древнее любого человека.

Пламя качнулось. Воспоминания текли, как смола. Вспомнился мальчишка, который стал почти сыном.

Он чувствовал парня сквозь уголёк — смутно, как далёкое тепло. Никита. Зумер из Саратова, который когда-то кидался в него песком, а потом прыгал с дуба, спасал Буян и встретил ту, кого все звали Ягиней.

— Учится, поступил, — усмехнулся Знич вслух, выпуская искру. — Молодец.

Огонь дрогнул. Ягиня. Он помнил их первую встречу в ту ночь на севере, когда она пришла к его огню, уставшая, отчаявшаяся, с голубым глазом в руке.

Он замер. Пламя прижалось к углям.

«Глаз Кости. Константина. Того, кто потом стал Кощеем».

Знич тяжело вздохнул — если огонь умеет вздыхать.

«А ведь я помог ей тогда, — подумал Знич. — Без меня она не нашла бы его тело. Может быть, если бы не я, тот воин так и остался бы в каменной могиле. И не стал бы тем, кем стал».

Искра упала в песок и погасла.

— Надо было молчать, — прошептал огонь. — Но разве я мог?

Он не знал, что правильно. Знал только, что прошлого не изменить.

Он горел — и этого было достаточно, чтобы помнить.

А в том далёком прошлом, которое Ягиня переживала заново, история продолжалась.

Перед тем как отправиться на север, Ягиня зашла в свою комнату в Нави — туда, где хранила вещи, подаренные матерью. Доспехи из тёмной, мягкой кожи лежали в сундуке, пропитанные запахом трав и сандалового масла. Марана подарила их несколько лет назад, когда сказала: «Ты готова. В бою мне тебя учить больше нечему».

Ягиня надела их впервые. Кожа послушно облегла тело — не сковывала, не жала, будто литая. Тяжеловато, но привыкнуть можно. Она поправила наплечники, затянула ремни на предплечьях. Взяла с собой древний меч. Подарок отца.

Потом она зашла в покои матери.

Там было пусто — Марана снова ушла в Явь, собирать души ранней осени. Ягиня подошла к спинке кресла, где до сих пор висел тот самый плащ — из ночного неба, расшитый живыми звёздами, которые гасли и загорались в такт дыханию. Она помнила его с детства. Любовалась, сидя на коленях у матери.

— Мама, — прошептала Ягиня, снимая плащ. — Надеюсь, ты будешь на моей стороне. И не станешь мне мешать.

Она накинула плащ поверх доспехов. Звёзды дрогнули, переливаясь, будто узнавали её. Плащ был длинным, почти до пят, но не путался в ногах. В нём было тепло. И странно — спокойно.

Она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Мешок с корнями оттягивал плечо, глаз на поясе пульсировал слабым, едва уловимым теплом.

Ягиня вышла из Нави, пересекла Калинов мост и двинулась на север. Она никогда там не была. Знала о нём только по рассказам матери — вечная мерзлота, низкое небо, ветра, которые сдувают с ног. И кочевники. Много кочевников.

Телепортироваться она не могла — никогда там не бывала, не видела, не чувствовала. Пришлось идти пешком.

Она шла через мёртвую землю Нави, потом через Явь — лесами, полями, болотами, — и чем дальше, тем холоднее становилось. Дыхание вырывалось облачками пара. Звёзды на плаще горели ярче, согревая.

Она шла уже третьи сутки. Ноги гудели, лямки мешка врезались в плечо. Северный ветер пробирал даже сквозь плащ со звёздами. Несколько раз она ловила себя на мысли, что не знает, зачем всё это делает.

Костя — чужой, заточённый призрак. Зачем рисковать гневом отца, своей должностью, самой возможностью остаться между мирами?

Но перед глазами вставало его лицо. Голубые глаза, которые смотрели на неё без страха. Улыбка, когда он сказал: «Я

верю тебе». И она шла дальше.

Впереди был север. Ветер, холод и каменный холм, под которым спало тело воина, ждущего своего воскрешения.

Ягиня сбила ноги в кровь. Тело саднило, плащ грел, но не защищал от веток и насекомых. Она уже хотела сдаться, но вот за холмом её взору открылся страшный вид: огромное поле, усеянное каменными насыпями. Между камнями торчали обломки щитов, ржавые наконечники копий, чьи-то побелевшие кости.

— Тела, — прошептала Ягиня. — Тело Кости где-то здесь.

Она не стала думать. Не стала гадать. Просто бросилась к первой попавшейся насыпи и начала разгребать камни.

Земля была мёрзлой, камни тяжёлыми. Замёрзшие пальцы слушались плохо — они гнулись, скользили, не могли ухватить как следует. Ягиня злилась, ругалась сквозь зубы, но продолжала. Она разгребла первую насыпь до основания — обломки костей, истлевшая ткань, ржавое железо.

Она вытащила из-за пояса заветный мешочек. Голубой глаз Кости пульсировал в её ладони, живой, тёплый. Ягиня приложила его к останкам — и ничего. Глаз не засветился. Не отозвался.

— Не он, — выдохнула она и сунула глаз обратно.

Вторая насыпь. Третья. Десятая. Двадцатая.

Камни летели в стороны, ногти трескались, обламывались, под ними запеклась кровь. Кожа на ладонях была стёрта до мяса. Ягиня не замечала боли — только злость. Тягу-

чую, глухую злость на себя, на поле, на сотни мёртвых, которые не давали ей найти одного.

— Ну где же ты? — шипела она, отбрасывая очередной камень. — Где?

Она перебирала останки чужих воинов, смотрела на их истлевшие лица, на обрывки одежды, на ржавые наконечники стрел, застрявшие в позвонках. Все они когда-то были живыми. Все они хотели жить. И все они оказались здесь — забытые, не погребённые, заваленные камнями. Ни Ирия, ни покоя. Только холод Нави и вечное ожидание.

«Закон есть закон», — прошептала она голосом отца. И тут же возразила себе: «Но это неправильно. Они не заслужили этого. Костя не заслужил. Не могу спасти всех — спасу хотя бы одного. Если я докажу отцу, что среди заложных есть достойные, может, он изменит закон».

Кожа на руках висела лохмотьями. Под ногтями запеклась чёрная кровь. Она выбилась из сил, но продолжала. Металась от одной насыпи к другой, всё быстрее, всё отчаяннее, уже не разбирая, куда бежит.

«Вдруг он где-то здесь? — пульсировало в висках. — Вдруг я пройду мимо?»

Она остановилась. Огляделась. Поле было огромным. Сотни насыпей. Тысячи камней. И она одна. Без магии поиска, без помощи, без надежды.

— Я не найду, — сказала она вслух. Голос её сорвался.

Она опустилась на колени прямо посреди поля, тяжело

дыша. В глазах темнело от усталости. Слёзы — от бессилия, от боли, от жалости к себе и к Косте — закипали и замерзли на щеках.

«Если я вернусь ни с чем, — подумала она, — что я скажу ему? Что я сдалась? Что отец оказался сильнее?» Но внутри уже зрело другое: «Если я сейчас встану и уйду, он исчезнет. Забудет своё имя. Станет упырём. А я буду жить с этим — до конца своих дней».

Она вспомнила, как Костя смотрел на неё единственным глазом, когда она пообещала: «Я найду твоё тело». Улыбнулся. Сказал: «Я верю тебе».

— Я дала слово, — прошептала Ягиня, поднимаясь. — И я сдержу его. Даже если придётся перерыть всё поле в одиночку.

Она хотела снова броситься к насыпям, но ноги не слушались. И тогда она заметила огонь.

Маленький, дрожащий на ветру, он казался живым пятном среди серой мёртвой земли. Ягиня пошла к нему — не сразу, а после долгой внутренней борьбы. Нужно было искать дальше, но сил уже не осталось. Ягиня решила всё же погреться и передохнуть. А потом продолжит искать.

Руки Ягини заледенели, лицо потрескалось от ветра. «Вот бы гдегодились способности Мараны с её управлением стихиями», — подумала она.

Она плюхнулась на землю прямо у огня, вытянула замёрзшие пальцы к пламени. Тепло обожгло продрогшее тело, но

она не отдёргнулась — только придвинулась ближе. Жар перестал казаться обжигающим, и она начала согреваться.

— Кхм, — раздалось прямо перед ней.

— Кто здесь? — Ягиня вскочила, оглядываясь по сторонам. Никого. Только поле, камни и огонь.

— Вроде ведьма, а не признала, — ответил голос из пламени. — Я Знич. Я огонь, древний дух. Я помню первых людей...

Ягиня не стала слушать. И тут же перебила:

— Я, знаешь ли, тоже не хухры-мухры, — она хотела сказать «я дочь Вия», но вовремя осеклась. Мало ли, вдруг этот огонь служит отцу или матери. — Я ведьма. Молодая ещё, учусь, вот и не признала. Да и не до древних духов мне. Я здесь по делу. А ты?

— Люди зажгли здесь поминальный огонь, — ответил Знич. Пламя его колыхнулось, будто он пожал плечами. — Я заскучал на своём острове, хотел посмотреть, как дела в Буяне. Почувствовал огонь и прыгнул в него. А здесь старое поле боя. Решил почтить память павших воинов вместе с людьми.

«Кажется, добрый», — подумала Ягиня. Она посмотрела на огонь. Тот горел ровно, не пытался обжечь, не метался.

— Знич, а что ты можешь?

Знич помедлил, будто собирался с мыслями.

— Я огонь. Могу гореть, могу не гореть, — хмыкнул он. — Могу быть горячим, могу быть очень горячим.

Ягиня оборвала его — не грубо, а по делу:

— А человека можешь найти? Точнее, тело. Среди этих насыпей из камней. Мне нужно тело одного человека.

Она достала из-за пояса заветный мешочек, развязала те-сёмки. На ладонь выкатился глаз — голубой, как ясное небо, живой. Он пульсировал слабым, едва уловимым теплом, и внутри него мерцала крошечная искра.

— Можешь? — спросила Ягиня.

Знич замолчал. Пламя его пригнулось к земле, будто он вглядывался. Потом вытянулось, облизнуло воздух.

— Я не поисковик, — сказал он наконец. — Но ты ведьма. Мы можем объединить силы. Бросай глаз в огонь. Не бойся, он останется цел. Это глаз духа, я вижу.

Ягиня колебалась. Довериться незнакомому огню? Отдать единственную ниточку, которая ведёт к Косте? А если Знич обманет?

— Если ты меня обманешь, — сказала она тихо, но твёрдо, — я найду способ погасить даже древний дух.

— Угроза приятная, но излишняя, — усмехнулся Знич. — Я на твоей стороне. Не знаю почему, но чувствую — ты задумала что-то важное, не злое. А важные дела я уважаю.

Она разжала пальцы.

Голубой глаз упал в пламя. На секунду огонь вспыхнул ярче — ослепительно, почти больно. Потом снова стал ровным. А внутри него, в самой глубине, замерцал тот самый голубой свет.

— Вижу, — сказал Знич. Голос его изменился — стал глубже, сосредоточеннее. — Камни много камней тело под ними недалеко отсюда. Метров сто на восток.

Он выстрелил искрой — и маленький костёр поплыл в сторону востока, освещая дорогу между каменных насыпей. Ягиня пошла за ним, перешагивая через обломки, через чьи-то забытые доспехи, через кости, которые хрустели под ногами.

Огонёк остановился у одной из насыпей — не самой большой, не самой малой. Обычной, такой же, как сотни других. Но Знич горел уверенно.

— Здесь, — сказал он.

Ягиня опустилась на колени. Руки её больше не болели — они онемели, превратились в бесчувственные куски мяса, которыми она управляла одной лишь силой воли. Пальцы не сгибались, ногтей почти не осталось — только ободранные подушечки, покрытые запёкшейся кровью. Каждый камень, который она отбрасывала, весил, казалось, центнер. Каждое движение давалось через «не могу».

«Ещё немного, — шептала она про себя, хватаясь за очередную булыжник. — Ещё немного. Он там. Я чувствую».

Земля под камнями была мёрзлой, твёрдой, как железо. Но Ягиня копала. Она вкладывала в это последние силы — те, что остались после многодневного пути, после десятков разрытых насыпей, после бессонных ночей под северным ветром. Спина ныла, в глазах темнело, но она продолжала.

«Я обещала ему. Я обещала».

Она вытащила очередной камень. Потом ещё один. Ещё. И вдруг пальцы наткнулись на что-то мягкое — не на мёрзлую землю, не на острый камень. Ткань. Истлевшая, но узнаваемая.

Ягиня замерла. Сердце её пропустило удар.

«Вот он».

Она не чувствовала больше ни боли, ни усталости. Только одно — сейчас, сию секунду, она узнает, здесь ли Костя. Или снова чужой, и Знич ошибся.

Она начала разгребать землю быстрее, почти яростно, не обращая внимания на то, что пальцы кровоточат, а руки трясутся.

А потом она увидела знакомую ткань. Тот самый кафтан, в котором Костя томился в Нави — рваный, тёмный, с продраным локтем и тёмными пятнами давно засохшей крови. Ягиня узнала его сразу, по обрывкам, по тому, как истлели нитки на швах. Не спутала бы ни с каким другим.

Она разгребла землю руками. Под тканью оказались кости. Не целый скелет — разрозненные, полуистлевшие, покрытые трещинами. Кости человека, который умер уже очень давно. Но они были здесь. Они ждали.

Ягиня осторожно, бережно, будто боясь разбудить, собрала останки. Каждую косточку, каждый обломок. Обрывки ткани, которые ещё держались вместе. Она сложила всё в мешок — тот самый, который принесла с собой. Мешок стал

ещё тяжелее, но она не жаловалась.

— Это он? — спросил Знич.

— Да, — ответила Ягиня. — Это Костя. Я сделала это. Начало положено.

Она завязала мешок, поднялась на ноги. В коленях стреляло, спина болела, но она не чувствовала боли. Только странное, щемящее спокойствие.

— Спасибо тебе, Знич, — сказала она. — Без тебя я бы не нашла.

— Не благодари раньше времени, — ответил огонь. — Ты ещё дойти должна.

Знич выплюнул глаз прямо в руки Ягине. Она сунула его обратно в мешочек.

Ягиня хотела попрощаться, но Знич её опередил.

— Я провожу тебя, — сказал он. — До самого моста. Ты ведь идешь в Навь? Это долгий путь, а ты слаба. Если что — согрею, освещу, защищу.

— А ты можешь? — удивилась Ягиня.

— Могу гореть в любом месте, где есть огонь или еда, — ответил Знич, вспоминая о вкусных сухих ветках. — А здесь, на поле боя, огня много. Поминальные костры тлеют по всему северу. Я буду перепрыгивать с одного на другой, догонять тебя или плыть рядом. Не брошу.

Ягиня посмотрела на него. В пламени вдруг почудилось что-то человеческое — что-то, что не могло принадлежать просто стихии.

— Почему ты помогаешь? — спросила она. — Я ведь чужая тебе. Ты меня не знаешь.

Знич помолчал. Пламя его стало тише, будто он задумался.

— Когда-то, очень давно, — начал он, — я был молодым и глупым. Я думал, что могу всё, что мне позволено всё. И однажды я сжёг корабль. С людьми. Я не хотел их убивать — я защищался. Но они погибли. Их души до сих пор где-то там, в Нави, может быть. А я

Он помолчал ещё дольше.

— Я хочу искупить свою вину. Не вернуть тех, кого погубил, но сделать хоть что-то. Помочь кому-то. А ты, — он качнулся в её сторону, — ты несёшься через полмира, чтобы спасти одного человека. Это достойно. И я хочу помочь тебе.

Ягиня не нашлась, что ответить. Она просто кивнула.

— Идём, — сказала она.

Они двинулись в обратный путь. Знич перепрыгивал с одного поминального костра на другой — иногда плыл впереди, иногда сбоку, иногда сзади. Он светил ей в темноте, грел, когда она останавливалась на привал, и молчал, когда она не хотела говорить.

Через несколько дней они дошли до Калинова моста.

Мост висел над пропастью — тонкий, сотканный из лунного света и тумана. Стражи в рваных балахонах стояли неподвижно.

Ягиня остановилась у самого края.

— Дальше я одна, — сказала она.

— Знаю, — ответил Знич. — Мост не пустит меня. Я — огонь. Источник жизни. А там, — он кивнул на чёрную воду, — только смерть.

— Ты будешь ждать?

— Сколько нужно. Буду гореть слабым костром на берегу. Когда вернёшься — увидишь.

Она повернулась к нему. Пламя горело ровно, спокойно, не мигая. Странно было думать, что этот огонь когда-то сжёг корабль с людьми. Ещё страннее — что он до сих пор помнил об этом.

— Спасибо, Знич, — сказала она. — За всё.

— Иди, — ответил он. — Время не ждёт. А я подожду.

Ягиня шагнула на мост. Мешок с останками Кости тянул плечо, глаз на поясе пульсировал теплом, напоминая, ради чего всё это. Она не оглядывалась. У моста на стороне Нави она оставила останки Кости и начертила вокруг защитный круг.

— Защитный круг, — прошептала она. — Самый простой. Не пропускает низшую нечисть, но высшую пропускает.

Она чертила и бормотала, вспоминая урок из детства.

— Необходимо усилить.

Ягиня запустила руку в мешок. Песок из-под Чёрного Дуба, девять капель росы с паутины на могильном кресте. Она смешала ингредиенты и насыпала на границы защитно-

го круга.

— А теперь имя того, кого хочешь защитить, вырезать на внутренней стороне круга.

Ягиня ногтями выцарапала имя «Константин». Теперь круг не пропустит никого, кроме того, чьё имя внутри.

А на берегу разгорался маленький костёр — ровный, тёплый, живой. Знич сдержал слово. Он всегда держал слово.

Глава 7. Хранитель сна

Пока Ягиня путешествовала по закоулкам своей памяти, кот Баюн контролировал всё в избушке на границе миров.

Он был здесь главным. Ягиня ушла в себя — глубоко, надолго, не сказав, когда вернётся. Её тело сидело на старом деревянном стуле с высокой резной спинкой. Голова откинута, рот приоткрыт, дыхание ровное, почти не слышное. Руки висели по бокам, безжизненные, будто кукольные. Только веки иногда чуть подрагивали — верный знак, что она всё ещё там, в воспоминаниях, и не собирается возвращаться.

Баюн уже обошёл территорию. Проверил, не забрёл ли кто чужой на границу. Никого. Только ветер шевелил сухую траву, да где-то вдалеке ухнула сова. Потом погонял мышей — недолго, без азарта; они были мелкими, глупыми, скучными. Мало ли что случится с Ягиней? Он должен быть рядом.

Он запрыгнул на стол, уселся напротив неё, положил передние лапы на край столешницы и замер. Жёлтые глаза его — огромные, с вертикальными зрачками — сверлили спящую Ягиню не мигая. Он смотрел на неё так, будто мог силой взгляда заставить её очнуться.

— Сдался тебе этот Кощей, — сказал Баюн вслух, обращаясь к спящей. Голос его был низким, урчащим, с лёгкой хрипотцой. — Как будто мужиков в Буяне мало. Вон, в соседнем лесу леший холостой. В болотах водяной — правда,

с бородавками, но зато не привередлив. А этот Кощей. Бесмертный. Что в нём такого?

Ягиня не ответила. Даже не шелохнулась.

Баюн вздохнул. Тяжело, по-человечьи. Он перевёл взгляд на окно, за которым темнело сумеречное небо. Луны не было, только звёзды — редкие, холодные.

— Вот превратила бы ты меня в человека, — продолжил он, и голос его стал тише, почти мечтательным. — Я бы тебя любил до скончания веков. Носил бы на руках, травы бы тебе собирал, зелья бы варил. Да что там — врагов бы твоих когтями рвал, если бы они у тебя были.

Он помолчал, прикрыл глаза на мгновение, потом снова открыл.

— Но я всего лишь кот.

Он спрыгнул со стола — бесшумно, как тень, — но не сразу пошёл к Ягине. Вместо этого он направился к полкам, где хранились склянки и пузырьки. Перебирался с одной полки на другую, обнюхивал, принюхивался. И вдруг замер.

На нижней полке, прикрытая холщовой тряпицей, стояла маленькая глиняная фляжка. Баюн узнал её сразу. Он потрогал лапой пробку, и в памяти всплыло далёкое, почти стёртое время.

Тогда он был просто дворовым котенком. Обычным, чёрным. Он вспомнил, как тонул в зимнем озере. Ледяная вода сжала его тело, лапы перестали двигаться, сознание угасало.

Его спасла Ягиня. Она вытащила его из воды, закутала в

свой плащ и принесла в избушку. Долго лечила — неделями, месяцами. Он не шёл на поправку, чах, отказывался от еды, и Ягиня уже боялась, что не выживет.

Ряха тогда жил у неё. Котёнок был его другом, и он сильно за него переживал. Винил себя, что не смог сразу уговорить Ягиню забрать кота к себе. Если бы они появились на мгновение позже, котёнок бы утонул.

— Ничего не помогает, — сказала Ягиня. — Я перепробовала все настойки. — А ты пробовала обратное? — спросил плачущий маленький Ряха. — Оно не для лечения. Оно для превращений. — А ты добавь каплю. Может, оно придаст ему сил.

Ягиня тогда колебалась, но делать было нечего. Она взяла свою самую сильную лечебную настойку и добавила в неё одну единственную каплю обратного зелья.

На следующий день Баюн открыл глаза. Он был слаб, но жив. А ещё — он чувствовал в себе странную, незнакомую силу. Впервые, когда он разозлился на мышь, которая осмелилась пробежать мимо, его лапа взметнулась сама собой — и когти выпустились стальные, длинные, острые, как кинжалы. Баюн тогда испугался. Но потом понял: это подарок. Частица того зелья навсегда осталась в нём.

Теперь он мог быть обычным котом — мягким, пушистым, тёплым. А мог — обратном с металлическими когтями, огромным, чёрным, способным напугать кого угодно.

Баюн лизнул горлышко фляжки, но не открыл её.

«Всё равно она не превратит меня в человека, — подумал он. — И не надо. Я родился котом, котом и помру. Но любить — это не про форму. Это про то, что внутри».

Он спрыгнул с полки, подошёл к ногам Ягини, потёрся о щиколотку — холодную, неподвижную. Потом забрался к ней на колени, устроился поудобнее, свернулся калачиком и положил голову на лапы.

Тёплый, тяжёлый, он лежал на ней, чувствуя, как редко поднимается её грудь. Как бьётся сердце — медленно, будто время для него тоже остановилось.

— Спи, — прошептал он ей в колено. — Я посторожу.
И закрыл глаза.

Но не уснул. Только ждал. Потому что не знал, когда она вернётся — через час, через день, через месяц. И что принесёт с собой из тех далёких лет, когда была юной, влюблённой и ещё не знала, что любовь может быть опаснее любого заклинания.

Избушка стояла на курьих ногах на скале, тихонько поскрипывала на ветру и тоже ждала. Ждала свою хозяйку, которая потерялась где-то в лабиринтах собственной памяти. И кот на её коленях был единственным, кто не давал ей совсем исчезнуть.

А в её сне — в той далёкой Нави, которую она вспоминала, — разворачивалось другое, опасное действо.

Она стояла перед Костей, и в руках у неё был заветный мешочек. Глаз, голубой, как ясное небо, снова занял своё ме-

сто. Ягиня осторожно, почти нежно, приложила его к пустой глазнице Кости. Глаз встал легко, будто и не покидал своего хозяина. Моргнул — и посмотрел на неё с тем же удивлением и благоговением.

Костя глупо, по-юношески улыбался. Он не верил в происходящее. Принцесса подземного мира, дочь самого Вия, решила пойти наперекор грозному отцу ради него — обычного, уже мёртвого солдата. Это было за пределами его понимания.

— Сейчас я сниму защитное заклинание, — сказала Ягиня, не отрывая взгляда от цепей. — Оно отцовское. И моё усиление. Я смогу снять. — А цепи? — спросил Костя. — Останутся. Но есть зелье. Оно открывает любые замки.

Она водила руками, что-то бормотала на древнем навийском наречии. Слова лились быстро, неразборчиво, но воздух вокруг начинал дрожать. Потом она бросила щепотку серого порошка — того самого, что использовала в камерах. Решётка камеры загорелась голубым светом — тусклым, инеевым — и через мгновение погасли. Заклинание исчезло. Решетка распахнулась.

Ягиня достала из мешка маленький глиняный пузырёк, откупорила зубами. Жидкость была чёрной, густой, пахла железом и сырой землёй. Она аккуратно полила ею замки цепей.

Замки лязгнули. Раздался скрежет — и цепи, сковывавшие Костю долгие годы, с глухим звоном упали на каменный

пол.

— А теперь бежим! — крикнула Ягиня.

Она рванула вперёд, не оглядываясь. Костя, свободный от цепей, рванул за ней, но ноги слушались плохо. Под ногами хлюпала вода, смешанная с грязью, своды гуляли эхом от каждого шага.

— Беги за мной! Быстро! Беги как в последний раз! — выкрикнула Ягиня на бегу. — Он и так может оказаться последним! — ответил Костя, чувствуя, как в груди разгорается странное, почти забытое чувство — надежда. — Вот именно! Быстрее!

Ноги Кости наконец поймали ритм, и он догнал Ягиню.

Коридоры Нави мелькали за спиной. Своды гудели от топота. Где-то позади, сначала далеко, потом всё ближе, послышался дробный, тяжёлый бег — стражники-вурдалаки. Они были не только быстрыми, но и выносливыми. Они не знали усталости. И они уже почуяли добычу — по запаху живого страха, по горячей крови, которая текла в жилах Кости.

— Не останавливайся! — крикнула Ягиня, сворачивая в знакомый проход.

Впереди, в конце длинной галереи, уже виднелся разрыв в стене — огромный провал, за которым начиналась наземная территория Нави. Там, за чертой, был холодный ветер и низкое небо. Ещё немного — и они вырвутся на поверхность.

Но вурдалаки настигали. Их красные глаза горели в темноте, когти скрежетали по камню.

Ягиня резко затормозила, развернулась лицом к преследователям. Костя пробежал мимо, но Ягиня его окликнула, и он остановился.

— Беги прямо! Там Калинов мост! Перед ним защитный круг! Встань в него и не двигайся, несмотря ни на что! — А ты? — крикнул Костя. — Я задержу их!

Она уже не смотрела на него. Её руки взметнулись вверх, пальцы задвигались, выписывая в воздухе сложные узоры. Губы шептали слова, которые Костя не мог разобрать. А за её спиной, из трещин в каменных стенах, начали прорастать корни. Толстые, узловатые, они росли прямо на глазах, переплетались, тянулись к потолку, закрывая проход.

Искореженные стволы деревьев, давно мёртвых, но хранивших остатки древней силы, вырвались из камня. Они сплетались в живую изгородь — толстую, непробиваемую, как лес, смыкающийся за путником.

Ягиня вложила в это заклинание всё, что у неё было. Силы уходили с каждым движением, но она держалась. Стволы росли, заполняя коридор, отрезая вурдалаков от пути к беглецам.

— Беги! — крикнула она, уже не оборачиваясь. — Будь осторожен! Там тоже стража!

И последнее, что увидел Костя, прежде чем ноги сами понесли его вперёд, — её силуэт на фоне переплетённых корней, её исцарапанные руки, всё ещё вычерчивающие знаки, и её глаза — зелёные, яркие, полные решимости.

Он бежал со всех своих призрачных ног. Коридоры кончились, и он вылетел на поверхность. Наземная территория Нави встретила его глубокой ночью. Ни луны, ни звёзд — только тяжёлое, низкое небо да голые, искалеченные деревья, тянущиеся к нему, будто хотели схватить. Ветер ударил в лицо, неся запах мёртвой земли и гнилой травы.

А в это время в глубине Нави, в тронном зале, Вий медленно поднял веки. Жёлтые глаза его сузились — не на миг, а на долгое, тяжёлое мгновение. Он чувствовал, как тонкая нить, привязывавшая душу заложного покойника к Нави, лопнула. Не просто лопнула — её вырвали, обрезали заклинанием, которое он знал и когда-то сам учил.

Он знал, чья это душа. Константин. Тот самый солдат с голубыми глазами, которого его дочь пожалела. Это за него она просила. Его хотела освободить.

Внутри Вия поднялся холодный, тяжёлый гнев. Не ярость — та бывает горячей. Это было иное: гнев застыл в его жилах, как расплавленный свинец, который не остывает, а только тяжелеет, продавливая собой всё вокруг. Закон нарушен, и нарушитель — его собственная дочь. Ягиня пошла против Нави. Против него.

Но сквозь этот свинцовый холод пробивалось другое — незнакомое, почти болезненное чувство. Не привыкший ни перед кем склоняться, Вий вдруг ощутил нечто похожее на гордость — пополам с ледяным бешенством. Целеустремлённость, с которой она бросила вызов отцу, миру мёртвых,

самой судьбе. Вий помнил себя в молодости — таким же упрямым, готовым идти до конца, не спрашивая разрешения.

Его пальцы сжали подлокотники трона. Дерево затрещало, пошло мелкими трещинами.

Он не двинулся с места. Только беззвучно позвал ту, кто была сейчас ближе к поверхности, кто могла пересечь границу быстрее любого стража. Не приказ — скорее напоминание. Пусть посмотрит. Пусть решит сама.

А потом он опустил веки и замер. Но в полумраке тронного зала всё ещё горели два жёлтых огня — холодных, наблюдающих.

Костя ничего этого не знал. Он не смотрел по сторонам. Он смотрел вперёд. Там, вдалеке, он видел слабое мерцание — защитный круг, тот самый, о котором говорила Ягиня.

Он не видел стражей, не видел моста, не видел даже чёрной воды Смородины. Вся вселенная сомкнулась для него в этот круг. Это был его шанс. Другого не будет.

А за спиной слышался глухой гул — это магия Ягини удерживала проход. Ненадолго, но ей не нужно было долго.

Только бы успеть.

И он побежал быстрее, почти не касаясь земли, чувствуя, как за спиной с грохотом оседают корни, а позади, в глубине коридора, уже рвутся вурдалаки — но он не оборачивался. Только вперёд, туда, где мерцал спасительный свет.

Глава 8. Материнский снег

Костя пробежал до защитного круга, когда силы уже оставляли его. Призрачные ноги подкашивались, грудь разрывалась от несуществующего дыхания. Он перешагнул невидимую границу — и рухнул на колени прямо в центр голубоватого сияния.

Стражи, преследовавшие его, остановились как вкопанные. Их красные глаза сверлили круг, но переступить черту они не могли. Закон есть закон. Приказ есть приказ. Они остались снаружи, тесной толпой окружив мерцающую границу, и ждали.

Ягиня стояла рядом — снаружи круга, на шаг от его края. Она тяжело дышала после заклинания, которым пустила корни. Руки её дрожали, на лбу выступила испарина, но она не позволяла себе упасть. Только смотрела внутрь круга, туда, где на коленях сидел Костя.

И там начало происходить нечто странное.

Сначала он засветился — тусклым, красноватым светом, не похожим на обычное свечение душ в Нави. Потом из воздуха, из темноты, из пустоты начали появляться кости. Голенистопо. Кисть. Часть нижней челюсти с остатками зубов. Ребра. Позвонки.

Они проникали в его призрачную плоть, занимали свои места, будто всегда там были. Будто тело, утраченное много

лет назад, наконец вспомнило себя и потянулось к душе.

— Как ты это сделал? — спросила Ягиня. Голос её был хриплым, но в нём слышалось искреннее изумление.

— Не знаю, — ответил Костя, глядя на свои обретающие очертания руки. — Я просто на что-то наступил, а оказалось — кости. Они сами расползлись по моему — он запнулся, не зная, как назвать то, что у него сейчас было. — По телу? По духу?

— Хорошо, — сказала Ягиня, и в её голосе прозвучало нечто похожее на облегчение. — Наверное, так и работает. Не знаю, я ещё учусь.

Она перевела взгляд на стражей. Те стояли плотной стеной. Не нападали, но и не расходились. Их было больше десятка, и за спиной у них, в глубине тёмного провала, уже слышались шаги подкрепления.

— Нужно как-то выбираться, — сказала она, кивнув в сторону молчаливых фигур.

Дыхание её сбивалось, сил почти не осталось, но она продолжала:

— Эти не пропустят. И отец Он может прийти за тобой сам. Или отправить ещё больший отряд, чем тот, от которого мы убегали. Или

— Дочка.

Голос раздался внезапно, прямо из темноты. Ягиня узнала его, замерла на полуслове и закончила мысль вслух:

— или призвать маму.

Из тени выступила Марана. Высокая, холодная, в плаще из ночного неба, расшитом живыми звёздами. Точь-в-точь как тот, что Ягиня надела перед дорогой на север. Лицо её было бледным, губы сжаты в тонкую линию, глаза светились ледяным, белым светом.

— Что ты делаешь? — спросила Марана. Голос её был тихим, но в этой тишине слышалось сдерживаемое пламя. — Ты идёшь наперекор отцу. И ради кого? Ради смертного? Ради заложного?

— Мама! — крикнула Ягиня. Она сделала шаг вперёд, встала между Костей и матерью. — Разве ты не такая же? Ты спустилась в Нави и стала собирать души мёртвых для отца. Ты тоже не послушалась своих родителей! Позволь и мне решать свою судьбу.

Марана молчала. Только звёзды на её плаще замерцали чаще, выдавая внутреннее напряжение.

— Я забрала эту душу, — продолжала Ягиня, стараясь говорить твёрдо, хотя голос её чуть дрожал, — потому что он в Нави не по праву. Отец не хочет менять закон. А я не могу смотреть, как невинные страдают.

— И ты думаешь, что знаешь лучше отца? — Марана не повышала голоса, но каждое слово падало, как капля ледяной воды.

— Я думаю, что закон должен быть справедливым, — ответила Ягиня. — Я буду отвечать за эту душу. Перед тобой, перед отцом, перед кем угодно. Ты поймёшь, что он достоин

жизни.

Повисла напряжённая тишина. Костя замер в кругу, не смея пошевелиться. Стражи стояли неподвижно, ожидая приказа. Даже ветер, вечно гулявший по коридорам Нави, затих.

Марана медленно перевела взгляд с дочери на Костю. Посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом снова на Ягиню.

— Мы с отцом научили тебя всему, — сказала она наконец. Голос её смягчился, потерял ледяную остроту. — Дальше ты должна пройти свой путь сама. Ты не сможешь охранять границу миров без мудрости. А мудрость приобретается тяжело. Через собственную боль и ошибки.

Она помолчала.

— Люди жестоки, и скоро ты в этом убедишься. Но они хорошие учителя.

Не дожидаясь ответа, Марана взмахнула рукой — и стражи, окружавшие круг, покрылись льдом. В одно мгновение, без треска, без крика. Их фигуры замерли, будто превратившись в статуи, голубовато-белые, сверкающие в полумраке.

Второй взмах — и на том месте, где стояла Марана, закружился вихрь из снежинок. Маленьких, переливающихся в свете луны, которая вдруг пробилась сквозь каменные своды. Снежинки кружились медленно, плавно, падали на землю и таяли, не долетев до неё.

А Мараны уже не было.

Ягиня смотрела на последние тающие снежинки. На губах её застыла странная улыбка — печальная и благодарная одновременно.

— Путь свободен, — сказала она, оборачиваясь к Косте. — Отец всё знает. Он отправил мать. Она нас отпустила. Вий не будет преследовать. Можешь выйти из круга.

Костя осторожно, будто боясь, что всё исчезнет, перешагнул невидимую черту. Ногами он почувствовал холод камня.

— Ты пока всего лишь дух, привязанный к мёртвым костям, — объяснила Ягиня Косте. — Мост тебя пропустит.

И они двинулись к Калинову мосту. Мост дрогнул, будто сомневался, но пропустил их. Ягиня шла впереди, Костя за ней. На другом берегу Яви их ждал маленький тёплый костер — Знич.

Он ничего не спросил. Ни о стражниках, ни о Маране, ни о том, как они прошли мост. Только пристроился рядом, осветил дорогу и пошёл за ними, молчаливый и верный, как и обещал.

Впереди была граница миров. Избушка на курьих ногах. И тишина, в которой Ягине предстояло подумать о том, что делать дальше — с Костей, с отцом, с собственной смелостью, которая могла обернуться против неё самой.

Но это уже будет завтра.

А сегодня они просто шли. Втроём — живой огонь, молодая ведьма и почти воскресший солдат — покинув мертвую землю, к слабому свету на горизонте.

Глава 9. Живая плоть

Ягиня сидела за столом, разложив перед собой раскрытый гримуар. Страницы с рецептом были испещрены её собственными пометками — когда-то она переписывала их у матери, не до конца понимая смысл. Теперь каждая строка казалась написанной огнём. Ошибиться нельзя. Ни единой закладки, ни одного лишнего движения.

На столе теснились пузырьки и склянки: мутно-зелёное зелье из коры Чёрного Дуба, янтарная жидкость с запахом полыни, тёмный, почти чёрный настой из корня мандрагоры. Ягиня переставляла их, сверяясь с гримуаром и тихо шептала:

— Три капли нет, четыре хотя в прошлый раз мать говорила

Она замерла, прикусила губу. «Прошлый раз» был так давно, что память расплывалась, как воск на свече. Марана учила её этому обряду, когда Ягиня была ещё подростком. Тогда она почти не слушала — зачем? Воскрешать мёртвых ей не приходилось.

А теперь пришлось.

В большом чугунном котле булькало варево. Пахло от него так, что даже Ягиня, привыкшая к запахам Нави, морщилась. Гнилостный, сладковатый дух разлагающихся костей смешивался с прогорклым маслом и серой. Из котла

поднимался густой пар, оседая на стенах избушки маслянистой плёнкой.

Костя сидел на лавке у стены, привалившись спиной к доскам. Он не проронил ни слова с того самого момента, как перешагнул защитный круг. Только коротко кивал, отвечал «да» или «нет» и смотрел перед собой остановившимся взглядом.

Он не верил.

Ягиня знала этот взгляд. Она видела его у раненых зверей, когда те не понимали, что уже спасены. Костя как будто был ещё там, в Нави, в камере, прикованный цепями. А здесь — всего лишь сон, наваждение, очередное испытание для его души. Сейчас он закроет глаза и снова окажется в темноте, у колонны, с цепями, впивающимися в запястья.

— Сейчас нужно будет вырастить тело заново, — сказала Ягиня, чтобы хоть как-то заполнить тишину. Она бросила в котёл щепотку истолчённого корня папоротника. — Сначала восстановятся кости. Потом они начнут обрастать плотью. А уже потом — кожей.

Костя кивнул. Он смотрел на свою кисть, где сквозь прозрачную плоть проступали очертания полуистлевших костей. Вокруг кисти мерцало едва уловимое красноватое свечение. Признак того, что он не просто дух, а дух с мёртвыми костями. Так объяснила Ягиня.

— Зрелище будет не из приятных, — добавила она, помешивая варево деревянной ложкой. — Я варю сложное зе-

лье. Нужно много ингредиентов. К счастью, у меня есть всё. Осталось с точностью повторить рецепт.

Она снова заглянула в гримуар. Пальцы пробежали по строчкам, останавливаясь на выцветших чернилах.

— Девять капель росы с паутины Это я уже добавила. Две щепотки пепла от костра, под которым покоится мёртвый младенец — Она поморщилась, но ссыпала из мешочка серый порошок. — Кость мертвеца, не тронутая тленом У меня она есть. Нашла в лесу. Она волчья. Подойдет. Твои кости полугнилые и в тебе. Эта кость будет донором для новых. Волк — сильный зверь, его кость даст тебе силу.

Она бросила в котёл маленький обломок — кусочек того, что осталось от ребра волка. Котёл зашипел, выплёвывая пузыри, которые лопались с противным чавканьем.

Костя ничего не говорил.

Запах в избушке стоял ужасный. Ягиня не подавала вида, но живот её скручивало. Она привыкла к зловонию Нави, к запаху крови и разложения, но это было другое. Это был запах самой смерти, которую она пыталась обратить вспять.

«Я лечила зайцев, — подумала она, размешивая варево. — Белок с перебитыми лапами. Птиц с подбитыми крыльями. Они приходили ко мне из леса, я накладывала швы, пила настойками. Через сутки они уже бежали обратно. Живые. Здоровые».

Но то были живые существа. Их плоть не успела остыть, их кости не успели истлеть. А здесь здесь она пыталась вдох-

нуть жизнь в то, что было мертво долгие годы.

«Никогда раньше не делала этого, — призналась она себе. — Даже мать не делала. Только учила. Говорила: «Это знание тебе не пригодится, но ты должна его иметь». А теперь»

Теперь она молилась, чтобы мать была права. Чтобы ингредиенты лежали на полках не просто так. Чтобы её руки помнили то, чему их учили, даже когда голова сомневается.

— А если что-то пойдёт не так? — вдруг спросил Костя.

Голос его был хриплым, чужим. Как будто он впервые за долгое время решил произнести больше одного слова.

— Не пойдёт, — ответила Ягиня твёрже, чем чувствовала. — Всё будет правильно. Я не имею права на ошибку.

Костя снова замолчал. Только глаза — голубые, чистые, живые — следили за каждым её движением.

Ягиня высыпала в котёл последнюю щепотку порошка. Жидкость забурлила, заклокотала, выстрелила снопом искр. Из котла поднялся густой столб пара, и в этом пару Ягине почудились очертания чьего-то лица. Может быть, её собственного. Может быть, того, кого она пыталась вернуть.

— А теперь, — сказала она, — финальная часть.

Она достала из своего мешка останки ткани из каменной насыпи. Тот самый почти истлевший кафтан с остатками крови Кости и бросила в котёл.

Жидкость вспыхнула белым светом — ослепительным, почти болезненным. Избушка наполнилась гулом, будто кто-то огромный вздохнул у самого уха. Заклинание легло на

плечи тяжестью, и Ягиня почувствовала, как магия вытекает из неё, перетекая в варево, в кости, в призрачную плоть Кости.

Костя вскрикнул.

Не от боли — от неожиданности. Его тело, ещё мгновение назад полупрозрачное, дёрнулось, словно по нему прошёл разряд. Кости начали темнеть, обретать цвет, наливаясь тяжестью. Пальцы, которые он так пристально разглядывал, дёрнулись. Сжались в кулак.

— Получается, — прошептала Ягиня. — Получается.

Варево в котле успокоилось, перестало бурлить. Теперь оно напоминало густой кисель — мутно-белый, с голубыми прожилками. Ягиня зачерпнула его деревянной ложкой и поднесла к губам Кости.

— Пей, — сказала она. — Всё до дна.

Костя протянул руку к ложке. Пальцев как таковых ещё не было — только *полуистлевшие* костяшки. Он взял ложку, зажав черенок между ними, и поднёс к губам.

— Гадость, — сказал он.

— Знаю, — ответила Ягиня. — Но надо. Всё.

Он выпил. Медленно, морщась, давясь, но выпил.

И тогда началось.

Его тело засветилось. Сначала тускло — так, как светится уголь в золе. Потом ярче. Голубовато-белое сияние окутало его, и Костя замер, боясь пошевелиться. Под его пока всё ещё призрачной кожей, там, где ещё недавно были полу-

гнилые останки, начал проступать белый цвет. Миллиметр за миллиметром начали расти новые кости.

Ягиня смотрела и не верила своим глазам.

— Это... — начал он и осёкся. Голос его уже не был таким хриплым. В нём уже начало проступать что-то от живого человека.

— Не говори ничего, — перебила Ягиня. — Это только начало. После того как кости восстановятся, мне нужно будет приготовить новый отвар. Для плоти. А потом ещё один. Для кожи. На восстановление уйдёт несколько месяцев.

Костя кивнул и закрыл глаза. Свет вокруг него постепенно угасал, но тело продолжало меняться.

Ягиня села на лавку напротив и уставилась на свои руки. Они дрожали. От напряжения, от страха, от неверия. Она сделала это. Она вытащила его из Нави. А теперь восстанавливает тело, возвращает его к жизни. Осталось только дожидаться, когда зелья закончат свою работу.

«И тогда, — подумала она, — тогда»

Что «тогда»? Он станет живым. Настоящим. Но что будет дальше?

Ягиня посмотрела на Костю. Он сидел с закрытыми глазами, и на его губах блуждала странная, почти счастливая улыбка. Она не знала, что он видит за призрачными веками. Может быть, солнечный свет, которого он был лишён долгие годы. Может быть, зелёную траву. Может быть, её саму.

— Спасибо, — прошептал он, не открывая глаз.

— Не за что, — ответила Ягиня.

Она знала, что это неправда. Есть за что. И платить придётся. Но не сейчас. Сейчас — только тишина, только уютное потрескивание огня в печи и запах трав, который понемногу вытеснял вонь трупных костей.

Костя открыл глаза. Посмотрел на свои руки. Потом на Ягиню.

Встал с лавки — сначала неуверенно, держась за стену, потом прямо. Подошёл к окну. За стеклом серело сумеречное небо. Где-то там, за лесом, за границей миров, была его родина. Север. Поле боя. Могила, которую нашла Ягиня.

Но теперь у него будет другое тело. Новая жизнь. И женщина, которая подарила ему всё это.

Он повернулся к Ягине. Хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого он просто протянул руку. Ягиня смотрела на неё секунду, потом медленно, очень медленно, вложила свою ладонь в его. Она ощутила под своей ладонью твердеющие кости.

— Мы пройдем это вместе, — сказала она.

В печи трещал огонь. Где-то в лесу крикнула ночная птица. А в избушке на курьих ногах, на границе миров, двое людей, которые только что победили смерть, стояли и смотрели друг на друга, не в силах поверить в то, что всё получилось.

Глава 10. Отражение

Время шло. Дни складывались в недели, недели в месяцы, но никто их не считал. Ягиня была занята. Костя — тоже. Его телом.

Восстановление давалось ему с трудом. Не физически — магия делала своё дело, кости срастались, плоть нарастала, кровь наполняла сосуды. Трудно было морально. Каждый новый этап приносил новое испытание. Не для тела — для души.

Когда кости наконец восстановились, и Костя превратился в скелет, окутанный красноватым свечением, он впервые за долгое время подошёл к окну. Стекло было мутным, старым, с пузырями и трещинами, но в нём можно было разглядеть отражение.

Он замер.

Из темноты на него смотрел череп. Глазницы пустые, но внутри них горели голубые огоньки — его собственные глаза, которые Ягиня вернула ещё в Нави. Челюсть была неподвижна, но Костя почему-то знал, что если бы захотел, мог бы ею пошевелить.

— Ужас, — сказал он.

— Что там? — спросила Ягиня, помешивая очередное варево.

— Я я же живой скелет.

Она подошла, встала рядом. Посмотрела на его отражение. И вдруг улыбнулась.

— Знаешь, — сказала она, — а ты забавный. Сделай что-нибудь.

— Что?

— Ну подними руки. Как будто хочешь кого-то напугать.

Костя неуклюже поднял руки. Он растопырил их и пошевелил суставами.

— Страшно? — спросил он, глядя на отражение.

— Очень, — серьёзно ответила Ягиня, но в глазах её плясали смешинки.

Костя поднёс руки к лицу — туда, где должны были быть щёки. Постучал костяшками по черепу. Звук был глухой, какой-то игрушечный.

— Я похож на болванчик, — сказал он.

— Болванчик, на который забыл надеть мясо, — уточнила Ягиня.

Костя фыркнул. Потом начал выделять разные движения — дрыгал ногами, размахивал руками, даже попытался станцевать. Кости щёлкали, красноватое свечение мигало в такт движениям. Со стороны это выглядело нелепо — скелет, пляшущий посреди избушки.

Ягиня не выдержала. Засмеялась — звонко, заливисто, как тогда, когда впервые поставила избушку на курьи ноги. Смех разлился по комнате, вытесняя запахи зелий и трав.

Костя остановился. Посмотрел на неё. И тоже засмеялся

— сначала неуверенно, хрипло, а потом громче, потому что её смех был заразительным.

Они смеялись вместе. Скелет и ведьма. В избушке на краю миров.

Но следующий этап оказался страшным.

Ягиня сварила новое зелье — для плоти. Густое, тёмно-красное, пахнущее железом и кровью. Костя выпил его, морщась, и лёг на лавку, укрывшись одеялом.

Процесс начался не сразу. Сначала просто тепло разлилось по костям — приятное, расслабляющее. Костя почти уснул. А потом его тело словно взорвалось изнутри.

Мышцы.

Они росли прямо на глазах. Тяжи, волокна, сухожилия — они оплетали кости, как плющ оплетает ствол дерева. Розовые, мокрые, живые. Костя чувствовал каждое новое волокно, каждый миллиметр, который магия добавляла к его телу.

— Терпи, — шептала Ягиня, сидя рядом. — Терпи. Это пройдёт.

Он терпел. Сжимал зубы — те самые, что ещё недавно были голыми костями. Сжимал так, что челюсти сводило. Шли недели.

Когда процесс закончился, Костя подошёл к котлу, увидел своё отражение.

И замер.

На него смотрел человек без кожи.

Красные мышцы, белые сухожилия, чёрные зрачки глаз,

плавающие в прозрачной жидкости. Рот, лишённый губ, приоткрылся — но не для крика, а для вздоха ужаса.

— Это — прошептал он. — Это я?

Он отшатнулся. Задел котёл ногой. Котёл пошатнулся, закачался — и с грохотом опрокинулся. Жидкость разлилась по полу, зашипела, задымилась. Но Костя уже ничего не видел. Он отступил к стене, вжался в угол, закрыл лицо руками.

— Нет, — бормотал он. — Нет. Это не я. Это не может быть я.

Костистые пальцы, обтянутые красной плотью, дрожали. Сухожилия натягивались, как струны. Он чувствовал каждую мышцу, каждое волокно — и это было ужасно, потому что он не должен был их чувствовать. Он должен был быть человеком. А был чем?

— Костя, — позвала Ягиня.

Он не ответил. Сидел в углу, прижав колени к груди, и смотрел в одну точку. Из-под пальцев сочились прозрачная жидкость — не кровь, что-то другое. Плазма.

— Костя, посмотри на меня.

— Не хочу, — прошептал он. — Я я видел смерть. Она смотрела на меня из котла. У неё мои глаза.

— Это временно, — сказала Ягиня, опускаясь рядом с ним на колени. Она протянула руку, но не коснулась — замерла в сантиметре от его плеча. — Это временно, Костя. Ты слышишь? Уже совсем скоро восстановятся ткани, останется только кожа. А кожа растёт быстро. Сам увидишь.

Она встала, сходила к лавке, взяла одеяло — то самое, которое сама сшила из лоскутов. Пестрое, нелепое, из обрезков ткани, которые она находила в лесах. Она накинула его на плечи Кости, укутала.

— Ты не останешься таким, — сказала она, садясь рядом и прижимаясь плечом к его плечу. — Обещаю.

Костя молчал. Долго. Так долго, что Ягиня уже начала бояться — не сломался ли он? Не ушёл ли в себя настолько, что его уже не вернуть? Тело восстановить проще, чем разум. Разума можно лишиться навсегда и никакие зелья уже не помогут.

Костя поднял голову. Посмотрел на неё своими голубыми глазами.

— Ты правда думаешь, что это пройдёт?

— Знаю, — ответила Ягиня. — Я читала об этом. И мать рассказывала. Плоть уже восстановилась. Кожа восстанавливается быстрее всего. Верь мне.

Костя усмехнулся. Невесело, но усмехнулся.

— Ты всегда знаешь, что сказать.

— Нет, — честно ответила Ягиня. — Но я учусь.

Они сидели так ещё несколько минут. Потом Костя взял её за руку — осторожно, чтобы не сломать. Его пальцы были тонкими, розовыми, без кожи — но они чувствовали тепло.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответила Ягиня. — Тебе ещё кожу растить. Успеешь наговориться.

Костя кивнул. Прикрыл глаза. Одеяло сползло с плеча, но он не поправил — ему было тепло. И не только от одеяла.

А время шло.

Третье зелье — для кожи — Ягиня варила особенно тщательно. Она проверяла рецепт по гримуару раз десять, пересчитывала капли, заново взвешивала порошки. Кожа — это лицо. Это то, что увидят другие. То, что увидит она сама. Ошибиться нельзя.

Зелье получилось прозрачным, чуть маслянистым, с запахом весеннего леса — неожиданно приятным после всех трупных смрадов. Костя выпил его без возражений. Лёг на лавку и закрыл глаза.

Процесс занял меньше месяца.

Кожа росла быстро — быстрее, чем кости и мышцы. Сначала она была тонкой, почти незаметной плёнкой, потом становилась плотнее, розовела, наливалась жизнью. Ягиня проверяла каждый день, трогала, гладила — нежно, как лепесток цветка. Костя терпел. Иногда постанывал, когда зуд становился невыносимым, но не жаловался.

— Чешется? — спрашивала Ягиня.

— Ужасно, — отвечал он сквозь зубы.

— Значит, растёт. Это хорошо.

И вот однажды утром Костя открыл глаза, потянулся — и кожа не натянулась, не треснула. Она была целой. Гладкой. Розоватой, как у новорождённого, но уже настоящей.

Ягиня стояла перед ним, сжимая в руках чистое полотен-

це. Глаза её были красными — она не спала всю ночь, боясь пропустить момент.

— Всё? — спросил Костя.

— Всё, — ответила она.

Он встал. Подошёл к окну. В мутном стекле отражался молодой человек — лет двадцати с небольшим, с каштановыми непослушными волосами, падающими на лоб. Глаза — голубые, небесного цвета, такие же, какими они были в Нави. Чистые, живые, почти прозрачные. Черты лица мягкие, правильные, с чуть заострёнными скулами — не женскими, а какими-то... породистыми, что ли. Тело подтянутое, жилистое — солдатское тело, привыкшее к нагрузкам и лишениям.

Костя поднёс руки к лицу. Потрогал щёки, нос, губы. Улыбнулся.

— Я... я похож на человека.

— Ты и есть человек, — сказала Ягиня.

Она смотрела на него и не могла отвести взгляд. Все эти месяцы, пока он был скелетом, потом мясом без кожи, она старалась не думать о том, как он выглядел на самом деле. В Нави она не смогла рассмотреть черты. Там все похожи друг на друга. А теперь...

«Красивый», — промелькнуло в голове. И тут же она отогнала эту мысль. Не время. Не место. Он бывший мертвец, она — ведьма, которая украла его у смерти. Никаких «красивый».

— Нужна одежда, — сказала она деловито, отворачиваясь. — Не могу же я смотреть на твои прелести вечно.

Костя смутился, прикрылся полотенцем. Ягиня усмехнулась — уже не над ним, над собой.

— Сиди здесь. Я скоро.

Она вышла из избышки, пересекла границу миров и отправилась в ближайший город. Небольшой, купеческий, с шумным рынком в центре. Ягиня бывала здесь раньше — меняла травы на соль и иглы. Её знали в лицо, но не знали по имени. Для них она была просто «та самая, что торгует лечебными зельями».

На рынке пахло хлебом, рыбой, дегтем и потом. Ягиня прошла к знакомому торговцу тканями и одеждой — толстому, краснолицему мужику по прозвищу Сарынь. Он её узнал, расплылся в улыбке.

— А, травница! Опять менять пришла? Что на этот раз? Отвар от живота? Приворотное зелье?

— Не болтай, — оборвала Ягиня. — Мужская одежда нужна. Молодому парню. Мой... — она запнулась, подбирая слово, — мой знакомый. Обносился.

Сарынь хмыкнул, но полез в сундуки.

— Есть кое-что. Простое, но добротное.

Он выложил на прилавок голубой кафтан — цвет небесный, чистый, без лишних узоров, с серебряными пуговицами. Ягиня посмотрела на него и вдруг подумала: «Как его глаза». Тепло разлилось в груди, и она улыбнулась своим

мыслям.

— Беру, — сказала она.

Сарынь добавил штаны — чёрные, простого покроя, из плотной ткани. Мужское бельё — Ягиня отвела глаза, пока он отсчитывал штуки. И сапоги — крепкие, на толстой подошве, с высокими голенищами.

— Сапоги дорогие, — заметил Сарынь, — да ладно, вижу, что нужны. Не воин часом?

— Воин, — ответила Ягиня.

— Тогда бери.

«В лесу без хорошей обуви нельзя» — согласилась про себя Ягиня и притянула сапоги к своим покупкам.

Она расплатилась — отсыпала из мешка сушёных кореньев и пузырёк с настойкой от кашля. Сарынь покряхтел, но согласился.

Ягиня уже хотела уходить, когда купец её окликнул:

— Погоди, красавица!

Она обернулась.

Сарынь смотрел на неё задумчиво, почёсывая бороду. Потом полез под прилавок, достал тяжёлый сундук, окованный железом. Откинул крышку.

— Есть у меня одно платье, — сказал он тихо. — Нравится оно мне очень. Не хотел продавать кому попало. А тебе... тебе подарю.

— Зачем? — удивилась Ягиня.

— Ты сама — природа, — ответил Сарынь. — Лесная,

дикая, а в тебе столько жизни, что самому молодость вспоминается. Платье это красоты требует. Тебя — украсит.

Он аккуратно, почти благоговейно, вынул из сундука платье.

Изумрудное.

Тёмно-зелёное, как хвоя в сумерках, как молодая листва после дождя. По ткани шла тончайшая вышивка — серебряная и золотая нить, завитки, цветы, птицы. Красиво обрамлённый вырез на груди и рукава широкие, почти до земли. Платье было плотным, но воздушным — как будто его соткали из утреннего тумана и закрепили магией.

Ягиня взяла его в руки. Развернула. И...

Влюбилась.

Она даже не знала, что такое возможно — влюбиться в вещь. У неё были только простые платья, которые приносила мать из Яви. Удобные, чтобы не сковывали движения в бою. Практичные, чтобы можно было бегать по лесам и не жалеть испортить. Никогда — красивого. Никогда — такого.

— Я не могу... — начала она.

— Можешь, — перебил Сарынь. — И не спорь. Всё равно уже твоё.

Ягиня посмотрела на него. В глазах старика не было насмешки — только добрая, чуть грустная улыбка.

— Спасибо, — сказала она. И, развязав мешок, высыпала на прилавок всё, что осталось. Сушёные травы, корни, настойки, даже пузырёк с зельем, которое варила для себя —

от простуды.

— Ты чего? — ахнул Сарынь.

— За платье, — ответила Ягиня. — Оно того стоит.

Она развернулась и вышла с рынка, прижимая к груди свёрток с одеждой и сапогами. Сердце колотилось где-то у горла. Она не понимала, зачем это сделала. Зачем оставила все запасы. Зачем взяла это платье. Зачем вообще идёт в лес, чтобы переодеться, когда можно было сразу вернуться в избушку?

«Чтобы произвести впечатление», — ответил внутренний голос.

На Костю.

Она даже не понимала, зачем ей это. Но очень хотела.

Ягиня свернула с тропинки в густые заросли орешника. Огляделась — никого. Скинула старое платье, натянула новое.

Изумрудная ткань скользнула по плечам, обхватила талию, упала до самой земли. Вышивка засверкала в лучах солнца — серебро и золото переливались, как жидкий огонь. Ягиня провела пальцами по вырезу на груди, по рукавам, по поясу, который пришлось подтянуть потуже.

— Глупо, — сказала она себе. — Глупо, глупо, глупо.

Но улыбка не сходила с лица.

Она спрятала свёрток с мужской одеждой и дорогими сапогами в мешок, перекинула через плечо и двинулась к избушке.

«Увидит — и что? Скажет «красиво»? Или промолчит? А если засмеётся?»

Она ускорила шаг. Потом побежала. Сердце колотилось, в груди щемило — то ли от быстрого бега, то ли от чего-то другого, чему она не хотела давать имя.

Избушка показалась из-за сосен. На курьих ногах, подслеповатая, кривая. Дверь приоткрыта, изнутри тянет дымом и травами.

— Костя! — крикнула Ягиня, вбегая внутрь. — Я принесла...

Она замерла.

Костя стоял у окна, прикрытый всё тем же полотенцем. Услышав её голос, обернулся. И замер тоже.

Глаза его — небесно-голубые — расширились. Он смотрел на неё, на изумрудное платье, на вышивку, на её раскрасневшееся лицо.

— Ты... — начал он и замолчал.

— Что? — спросила Ягиня. Голос её дрожал. — Страшно? Смешно? Говори.

Костя покачал головой. Потом сделал шаг к ней. Ещё один. Остановился в двух шагах.

— Ты красивая, — сказал он тихо. — Очень.

Ягиня почувствовала, как щёки заливаются краской. Отвернулась, делая вид, что достаёт из мешка одежду.

— Вот, держи. Примерь. Надеюсь, размер подойдёт. Не хотелось бы перешивать.

Костя взял свёрток, не глядя, — он смотрел только на неё. Ягиня вышла на крыльцо, прикрыла дверь.

Стояла, смотрела на лес, на облака, на далёкое сияние границы миров.

«Что ты делаешь? — спросила она себя. — Ты ведьма. Он — бывший мёртвый солдат. У вас нет будущего».

Но сердце не слушалось. Оно колотилось и пело. И когда за спиной скрипнула дверь, она замерла, боясь обернуться.

— Я готов, — сказал Костя.

Она повернулась.

Голубой кафтан сидел на нём идеально. Чёрные штаны, сапоги — всё было впору. Он стоял, расправив плечи, и впервые за долгое время выглядел не как пациент, не как беспомощный калека, а как воин. Молодой, сильный, живой.

— Тебе идёт, — сказала Ягиня.

— Тебе тоже, — ответил он, глядя на её платье.

Они смотрели друг на друга. Секунду. Другую. Третью.

— Ну, — сказала Ягиня, отводя взгляд, — раз ты одет, пойдём, я покажу тебе лес. Такого леса ты никогда не видел.

Костя улыбнулся.

— Пойдём, — сказал он.

И они вышли из избушки — ведьма в изумрудном платье и оживший солдат в голубом кафтане. Навстречу лесу. Навстречу новому дню. И, может быть, чему-то, о чём оба пока боялись говорить.

Глава 11. Живое тело

Костя обрёл тело и использовал его по максимуму.

Он вставал затемно, когда Ягиня ещё спала, укрывшись своим звёздным плащом, и бесшумно выскальзывал из избушки. Лес встречал его утренней прохладой, запахом мха и влажной коры. Он вдыхал полной грудью — и каждый раз чувствовал, как лёгкие наполняются жизнью. Это было чудо, которого он не замечал раньше.

Он во всём помогал Ягине. Брал на себя любую работу — самую тяжёлую, самую грязную, самую скучную. Если раньше Ягиня приносила из леса небольшой мешочек с кореньями да букет трав, то теперь Костя притаскивал из леса огромные тюки. В них было всё: от душистых трав и целебных корней до массивных сухих брёвен на дрова. Он вязал их в охапки и нёс на плече, сгибаясь под тяжестью, но не жалуясь. Боль в мышцах была ему приятна. Она напоминала, что он жив.

— Ты надорвёшься, — качала головой Ягиня, глядя, как он вваливается в избушку, нагруженный как выучный зверь.

— Не надорвусь, — отвечал Костя, скидывая ношу у порога. — Я солдат, мне не привыкать.

— Солдату положено воевать, а не дрова таскать.

— А я на войне и дрова таскал, — усмехался он. — И воду, и землю. Всё, что прикажут.

Ягиня не спорила. Она только смотрела, как он деловито разбирает принесённое, сортирует травы, складывает коренья в пучки. Его руки двигались уверенно, но иногда замирали — он трогал свои пальцы, гладил ладони, рассматривал каждую складку кожи, будто видел их впервые.

А потом Костя взялся ремонтировать избушку.

Ягиня пыталась отговаривать:

— Костя, не надо. Меня и так всё устраивает. Если бы я хотела что-то подремонтировать, сделала бы это с помощью магии. Одно движение — и доски встанут на место, крыша перестанет течь, дверь перестанет скрипеть.

— Знаю, — ответил он, уже сжимая в руке молоток, который смастерил из камня и крепкой ветки. — Но я хочу сам. Руками.

— Зачем?

Костя помолчал, выбирая слова.

— Я не чувствовал своего тела долгие годы. Оно было призрачным, холодным, ненастоящим. А теперь... — он поднял молоток, сжал рукоять. — Теперь я чувствую каждую косточку, каждый мускул. Мне хочется тратить силы. Уставать. Болеть. Потому что боль — это тоже жизнь.

Ягиня смотрела на него, и что-то тёплое разливалось у неё в груди. Она не стала спорить.

— Только не развали избушку, — сказала она. — Она у меня скромная, но верная.

— Постараюсь, — улыбнулся Костя.

И принялся за работу.

Он заделывал щели в стенах, укреплял разошедшуюся дверь, чинил половицы. Не всё получалось сразу — его руки ещё помнили, как держать меч, но не привыкли к плотницкому делу. Он сбивал пальцы, чертыхался, переделывал заново. Но каждый гвоздь, каждая доска, подогнанная вплотную, приносили ему странное, почти детское удовлетворение.

— Смотри, — говорил он Ягине, показывая на ровный ряд заплаток. — Теперь ветер не задувает.

— Красиво, — кивала она. — Ты прирождённый плотник.

— Я прирождённый воин, — усмехался Костя. — Но плотником тоже можно стать, если очень захотеть.

Он так же с любопытством наблюдал за изготовлением зелий. Садился на лавку, поджав ноги, и следил за каждым движением Ягини.

— Что это за порошок?

— Кора Чёрного Дуба, истолчённая в муку.

— А это?

— Корень мандрагоры. Осторожно, не дыши над ним — сон накатит.

— А куда ты сейчас это добавляешь?

— В отвар от лихорадки. Видишь, как цвет меняется? Сначала мутно-зелёный, потом прозрачный с золотыми искрами. Когда станет совсем прозрачным — можно пить.

Костя запоминал. Иногда даже пытался повторить.

Однажды он взялся сварить сироп от кашля — самый про-

стой, как ему казалось. Ягиня объяснила рецепт: мед, сок подорожника, отвар шиповника, щепотка сушёной малины. Костя всё делал по её словам, но результат оказался... странным.

— Это что? — спросила Ягиня, заглядывая в котелок.

— Сироп, — ответил Костя виновато.

На поверхности булькала коричневая жижа, по густоте напоминающая болотную грязь. Пахло от неё не лечебными травами, а прелым сеном и почему-то дымом.

— Попробуй, — сказал он, протягивая ложку.

Ягиня отхлебнула. И закашлялась.

— Это... это не сироп. Это суп. Травяной суп с мёдом и малиной.

— Но я делал всё, как ты говорила!

— Значит, перегрел. Или не дождался, пока малина настоится. Или перепутал порядок.

Костя расстроился. Смотрел на своё творение, и лицо его вытянулось.

— Почему у тебя получается, а у меня нет? — спросил он.

Ягиня усмехнулась, но не зло, а тепло.

— Ну, не забывай, что я не просто Ягиня. Я ещё и ведьма. Это у меня в крови, — она горделиво подняла подбородок. — Есть, конечно, знахарки без магии, но у них и рецепты попроще. В основном настойки да растирки на спирту. А тут — настоящая магия, зельеварение. Не каждому дано.

Костя помолчал. За окном посвистывал ветер, где-то в пе-

чи потрескивали дрова.

— А можно научиться магии? — спросил он.

— Научиться — нельзя, если магии нет в крови. Это дар, передающийся по наследству. Или не передающийся, как у меня с матерью. У Мараны — своя магия, у меня — своя, но это всё равно кровь. Без неё — только травы да наговорённые слова. Силы не будет.

— А можно эту магию как-то добыть? — не унимался Костя. — Ну, раздобыть какой-нибудь волшебный атрибут — и ты уже маг? Или ведьмак?

Ягиня задумалась. Перебирала пузырьки на столе, расставляла их по росту.

— Артефактов много, — сказала она наконец. — Но по-настоящему сильных — единицы. Есть, например, легенда о короне древнего мага. Он считается основателем всего Буяна — того, кто создал этот мир или хотя бы придал ему форму. Корона та древняя, чёрная, кованая, вся в кровавых рубинах. По легенде, перед смертью волшебник вложил в неё всю свою магию и тут же умер.

Костя слушал, затаив дыхание.

— Она существует? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответила Ягиня, пожимая плечами. — Мне она без надобности. Да и ни к чему такая сила простому человеку. Такие артефакты сами находят хозяина. Или не находят, если хозяин недостоин и слаб духом.

Она взяла пузырёк с мутной жидкостью, повертела в ру-

ках, поставила обратно.

— А если бы я захотел стать сильнее? — спросил Костя тихо.

Ягиня обернулась. Посмотрела на него долгим, пристальным взглядом.

— Костя, ты сильный. Тебе не нужны артефакты. Ты выжил в Нави, ты не сломался, ты выдержал тринадцать лет. Это сильнее любой магии.

Костя хотел ответить, но слова застряли в горле. Он просто кивнул и снова взялся за молоток — чинить дверь, которая, как он подозревал, и так уже не скрипела.

А вечером, когда они сидели на крыльце и смотрели на звёзды, он вдруг сказал:

— Я всё равно найду способ быть полезным. Даже без магии.

— Ты уже полезный, — ответила Ягиня. — Дрова носишь, избушку чинишь, суп варишь — пусть и из сиропа.

Костя усмехнулся.

— Это был не суп. Это был сироп. Просто неудачный.

— Назовём его супом, чтобы тебе было не обидно.

Они засмеялись в голос.

Смех утих, и в повисшей тишине слышно было только потрескивание поленьев в печи да далёкий крик ночной птицы. Звёзды за оконцем мерцали холодным серебром, и Костя, глядя на них, вдруг вспомнил.

— Я видел в углу меч, — сказал он, кивнув в сторону тём-

ного угла избышки, где за печью стояло древнее оружие. — Твой?

— Почти, — ответила Ягиня, тоже бросив взгляд в тот угол. — Это меч-кладенец. Никто уже не помнит, откуда он в Нави. Когда мама учила меня сражаться, сразу вручила его мне. Он со мной с первого взмаха и до сих пор. Он как часть меня.

Она помолчала, погладив невидимую рукоять взглядом.

— Мама рассказывала, что если идёшь с мечом на верное дело, против зла, то он просыпается. Загорается тёплым жёлтым светом, становится верным помощником.

— И у тебя бывало такое? — спросил Костя.

— Нет, — задумчиво ответила Ягиня. — У меня ещё ни разу не просыпался. Видимо, не было по-настоящему верного дела.

Костя кивнул, принимая её слова. А потом его лицо стало грустным, глаза ушли в сторону — туда, где за стенами избышки лежал огромный мир, в котором когда-то была его жизнь.

— У меня тоже был меч, — сказал он тихо. — Наверное, остался на том поле боя. Или забрали кочевники. Меч острый, ладный был... Эх, ничего не поделаешь.

Он махнул рукой, будто отгонял воспоминания, но в голосе его слышалась глубокая, невысказанная тоска.

Ягиня смотрела на него. На его опущенные плечи, на то, как он крутит на пальце сухую травинку, не глядя.

— А Расскажи, — начала она осторожно, — каким был твой меч? Если он на поле боя остался, может быть, он там и лежит где-то, или воткнут в чью-то насыпь. Я могла бы поискать...

Костя поднял голову. Глаза его засветились — тем особенным светом, который появляется, когда человек вспоминает что-то очень дорогое, почти забытое.

— Он был не такой, как твой, магический, — начал он, и слова полились сначала неуверенно, а потом всё быстрее, словно он боялся, что Ягиня передумает слушать. — Обычный солдатский меч, кованый в походной кузнице. Рукоять простая, деревянная, без украшений. Но она лежала в руке как влитая. Знаешь, как бывает: возьмёшь чужой меч — и он тяжёлый, неудобный, будто живой, но чужой. А этот этот был мой. Я чувствовал каждую зазубрину на лезвии, знал, где оно чуть погнулось после боя, где скол от чужого клинка остался. Ножны у него были старые, кожаные, в потёртостях. Я их перевязывал трижды — всё равно расползались. Кто-то посмеялся бы: «Эх ты, воин, с ободранными ножнами». А я гордился. Они видели столько же, сколько и я.

Он замолчал на секунду, провёл пальцем по воображаемому лезвию.

— На гарде я выцарапал первую букву имени. «К». Криво, конечно, но навечно. Хотел, чтобы меня запомнили. Мало ли, вдруг убьют в бою — увидят этот знак и скажут: «Тут пал воин Константин». Не просто «солдат», а с именем. С

душой.

Голос его дрогнул.

— Я никому его не давал. Даже в руки. Спал, обняв его. В походах он всегда был со мной — справа, под правой рукой. И когда я упал последним я помню, как выпустил его. Он упал рядом. Я хотел поднять, но рука уже не слушалась. И потом — темнота.

Он выдохнул, будто выронил из груди что-то тяжёлое, и посмотрел на Ягиню.

— Вот такой был мой меч. Не магический, без имени, без легенд. Но для меня — всё.

Ягиня молчала. Потом улыбнулась — не насмешливо, а тепло, понимающе.

— Если он на поле боя остался, может быть, он там и лежит где-то, или воткнут в чью-то насыпь. Я могла бы поискать

— Серьёзно? — Костя вскочил на ноги, словно подброшенный пружиной. Его глаза — небесно-голубые, чистые — засияли таким светом, будто он увидел перед собой не избушку на границе миров, а все сокровища Буяна сразу. Он смотрел на Ягиню как ребёнок, которому пообещали самые вкусные сладости.

— Да, — вновь загордилась Ягиня, поднимаясь с крыльца. — Смотри, что могу.

Она закрыла глаза — и исчезла.

Просто... растворилась в воздухе. Ни хлопка, ни вспышки,

только лёгкое дуновение ветра. Костя замер на месте, потом медленно, не веря своим глазам, протянул руку к тому месту, где только что стояла Ягиня. Ладонь встретила пустоту.

— Была здесь, — прошептал он, — а теперь нет.

Он обвёл взглядом двор, лес, тропинку, ведущую к границе миров. Никого.

— Она полна сюрпризов, — сказал он вслух и опустился обратно на крыльцо.

Ждать пришлось долго.

Сначала Костя просто сидел, смотрел на звёзды. Потом начал считать их — раз, два, три сбился. Потом встал, прошёлся по крыльцу. Потом снова сел. Время тянулось медленно, как смола.

Небо на востоке посветлело, налилось бледно-розовым, потом золотистым. Птицы запели. А Ягини всё не было.

Костя прилёг на крыльцо, подложив под голову свернутый кафтан. Глаза слипались, тело требовало отдыха. Он попытался бороться, но веки стали тяжёлыми, и сон накрыл его мягкой, тёплой волной.

— А ты всё спишь? — раздался весёлый голос.

Костя открыл глаза. Солнце уже стояло высоко, лучи его касались лица, грели щёки, заставляли жмуриться. Над ним, сияя довольной улыбкой, стояла Ягиня.

Она была грязной. Волосы растрепались, в них запутались сухие листья и хвоя. На простом сером платье темнели пятна земли и какой-то травы. Сапоги облепила грязь. Но глаза

её горели торжеством, и усталости в них не было — только радость.

— Ты... — Костя сел, протёр глаза. — Ты вернулась.

— А куда я денусь? — усмехнулась Ягиня и протянула ему руку.

В её ладони лежал меч.

Старый, проржавевший от времени, с выщербленным лезвием и рукоятью, когда-то обмотанной кожаны ремешком, который давно истлел. Но это был меч. Его меч. Тот самый, с которым он прошёл не одну битву, который держал в руке, когда падал последним.

Костя взял его дрожащими пальцами.

Лезвие было холодным, шершавым от ржавчины. Вес — привычный, родной. Он провёл большим пальцем по обуху, по гарде, по тому месту, где когда-то нацарапал первую букву своего имени — «К». Она всё ещё была там, тонкая, едва видимая, но живая.

— Не может быть... — прошептал он.

— Со мной может быть всё, — веселилась Ягиня. — Я ведь ведьма.

Она плюхнулась рядом с ним на крыльцо, откинулась на перила, закрыла глаза. Усталость наконец взяла своё — веки её дрогнули, дыхание стало ровнее. Но она не спала, просто отдыхала, слушая, как Костя вертит в руках меч, как пальцы его скользят по лезвию, как он тихо, едва слышно напевает какую-то старую солдатскую песню.

— Спасибо, — сказал он, не глядя на неё. — Я не знаю, как ты это сделала. Но спасибо.

— Нашла твою насыпь, — ответила Ягиня, не открывая глаз. — Ту самую, где были твои кости. Меч лежал рядом, почти не тронутый, только поржавевший. Время его не взяло. Наверное, потому что он ждал тебя. Я его сразу не заметила, да и не до меча было, когда твои кости искала.

Костя сжал рукоять. Ржавчина осыпалась, обнажая под собой блестящий металл. Живой, как и он сам.

— Ждал, — повторил он тихо. — Как и я.

Они сидели молча. Солнце поднималось выше, заливало избушку золотым светом. Где-то в лесу закуковала кукушка, и Ягиня, услышав её, улыбнулась.

— Ты долго искала мою насыпь? — спросил Костя.

— Достаточно, — ответила она. — Но оно того стоило.

Он положил меч на колени, провёл ладонью по клинку. Ржавчина не резала кожу — лезвие было тупым, старым, но он знал, что заточит его, отполирует, снова сделает опасным.

— А твой меч, — сказал он, — он когда-нибудь проснётся. Я уверен. Потому что ты идёшь на верное дело. Моё спасение — оно верное.

Ягиня открыла глаза, посмотрела на него. В её взгляде не было кокетства, только тёплая, чуть грустная уверенность.

— Может быть, — сказала она. — Когда-нибудь.

И они снова замолчали, глядя, как солнце поднимается над лесом, над границей миров, над избушкой на курьих но-

гах, где двое людей, которые могли бы никогда не встретиться, сидели рядом и слушали, как кукушка считает им долгие, долгие годы.

Глава 12. Оживший клинок

Меч лежал на столе — старый, проржавевший, с выщербленным лезвием и рукоятью, которая вот-вот грозила рассыпаться в труху. Костя смотрел на него, и в глазах его горело упрямство.

— Я сам, — сказал он, когда Ягиня протянула руку к флакону с зельем.

— Даже спорить не буду, — ответила она, скрестив руки на груди и отступив к печи. — Делай.

Костя взял наждачный камень — гладкий, плоский, который нашёл у ручья. Принялся тереть лезвие. Ржавчина осыпалась серой пылью, обнажая под собой тусклый, но живой металл. Он тёр долго, сосредоточенно, не поднимая головы. Пот заливал глаза, пальцы ныли, но он не останавливался.

Ягиня смотрела. Скрестив руки, прислонившись плечом к печи, она терпеливо ждала. Ни слова, ни вздоха, только лёгкая усмешка в уголках губ.

Когда ржавчина сошла почти вся, Костя взял точильный камень. Заточить лезвие оказалось сложнее — нужно было держать правильный угол, вести ровно, не сбиваться. Руки его, привыкшие к мечу, помнили это движение. Лезвие за-сверкало, стало острым.

— Готово, — сказал он, выпрямляясь. — Смотри.

Он провёл пальцем по лезвию — тонкая полоска крови

выступила на коже. Остро. Хорошо.

— А теперь посмотри сюда, — сказала Ягиня, подходя ближе и указывая на рукоять.

Костя перевёл взгляд. Рукоять — деревянная, обмотанная когда-то кожаным ремешком — рассохлась, потрескалась. В одном месте дерево отвалилось целым куском, оголяя хвостовик. Костя сжал рукоять — она жалобно скрипнула.

— При мощном ударе развалится, — признал он. — А на этот — он кивнул на лезвие, — посмотри.

Он провёл тряпицей по металлу. Через несколько секунд на чистом, отполированном месте снова выступила ржавчина. Тонкая, рыжая, злая.

— Она идёт изнутри, — сказал Костя тихо. — Я сделал что мог. Но он не для боя. Для памяти. Наверное, зря я отказывался от твоей помощи.

Ягиня не сказала «я же говорила». Не усмехнулась. Она просто подошла к столу, достала из кармана маленький стеклянный флакончик — тот самый, который держала наготове всё это время — и молча провела рукой над лезвием.

— Слушай, — прошептала она.

И слова — древние, навийские, шипящие, как змеиная кожа — полились из её уст. Костя не понимал их смысла, но чувствовал, как воздух вокруг становится плотнее, как меч под её ладонью начинает вибрировать.

Она откупорила флакон. Жидкость была прозрачной, с золотистым отливом, пахла яблоками и мёдом. Ягиня поли-

ла ею лезвие, затем рукоять, затем каждую заклёпку на гарде.

И меч ожил.

Ржавчина исчезла — не сошла, не осыпалась, а именно исчезла, будто её и не было. Металл засверкал холодным, острым блеском. Рукоять, только что разошедшаяся и потрескавшаяся, стала гладкой, тёплой, будто её только что выточили из цельного куска дерева. Кожаный ремешок, истлевший много лет назад, заново обвил рукоять, плотно, внатяг.

Костя взял меч. Он был лёгким, как перо. И тяжёлым, как воспоминание. Идеально сбалансированным.

— Чем это ты полила? — спросил он, не веря своим глазам.

— Зелье на основе молодых яблок, — ответила Ягиня, пряча флакон обратно в карман. — Редкое, из старых запасов Нави. Концентрация слабая — человека не омолодит, а вот вещь — пожалуйста. Возвращает ей первоначальный вид. И, кажется, немного укрепляет.

— Это чудо, — пробормотал Костя, поворачивая меч так и сяк. Свет от печи скользил по лезвию, зажигая в нём золотые искры. — Просто чудо.

— Я ведьма, — напомнила Ягиня. — Чудеса — моя работа.

Костя усмехнулся. Сжал рукоять — удобно, надёжно. Меч будто ждал этого момента все долгие годы, что пролежал в каменной насыпи.

— Ну а теперь, — сказала Ягиня, и в голосе её зазвучали

игривые нотки, — когда у тебя есть меч и у меня есть меч, может, потренируемся?

Она вызывающе вскинула бровь. Костя смотрел на неё и не верил своим ушам.

— Ты хочешь драться со мной?

— Хочу посмотреть, чего ты стоишь, — ответила Ягиня. — Я сражалась с упырями, с вурдалаками, с самим ну, почти с самим отцом. А с живым солдатом — нет. Это интересно.

— Я боюсь тебя ранить, — сказал Костя, но в голосе его уже не было прежней серьёзности. Уголки губ подрагивали.

— Ты всё равно не сможешь, — усмехнулась Ягиня.

— Ах так? — Костя сделал шаг вперёд, сжимая меч. — Тогда я принимаю твой вызов. Бери свой меч-кладенец.

Ягиня с азартом маленького ребёнка схватила стоящий в углу древний меч. Тот самый, который висел там все эти месяцы, покрываясь пылью. Меч-кладенец глухо звякнул, выходя из ножен.

— Здесь недалеко есть поляна, — сказала Ягиня, направляясь к двери. — Нам подойдёт. Пошли.

Она схватила Костю за рукав и потащила за собой прочь из избушки.

Они выбежали на крыльцо, спрыгнули вниз, и Ягиня повела его тропинкой, которую Костя раньше не замечал. Она вилась между сосен, петляла, уходила вниз, к небольшой ложбине, где трава была мягкой, а земля — ровной.

— Здесь, — сказала Ягиня, останавливаясь в центре по-

ляны. — Место хорошее. Никто не помешает.

Она повернулась к Косте, встала в стойку — меч перед собой, ноги на ширине плеч, взгляд прищурен, но в глазах пляшут смешинки.

— Нападай, солдат, — сказала она.

Костя усмехнулся. Поднял меч.

— Ты сама напросилась, ведьма.

И они сошлись.

Удар. Первый — пробный, осторожный. Клинки встретились, звон разнёсся по поляне, испугнув птиц с ближайших сосен. Костя легко отбил атаку, но уже второй удар Ягини оказался быстрее. Лезвие меча-кладенца замерло у самого горла Кости.

Она сделала шаг назад, опустила меч и изящно поклонилась — по-военному, по-спартански, одними плечами.

— Твоя очередь, — сказала она, и в голосе её слышался вызов.

Костя усмехнулся, сжал рукоять своего меча. Разогнал кровь, почувствовал, как тело слушается, как мышцы наполняются силой. Замахнулся.

Удар. Второй. Третий.

Ягиня отбивала их играючи, почти не напрягаясь. Её меч кружился в руке, как продолжение тела — плавно, опасно, красиво. Костя наседал, но она только улыбалась. А потом в один из его замахов её свободная рука метнулась вперёд и врезалась ему в челюсть.

Удар был не сильным, но точным. Костя пошатнулся, потерял концентрацию, и в следующее мгновение его меч полетел в сторону, а лезвие Ягини снова оказалось у его горла.

— Так значит, — сказал Костя, выдыхая. — Ясно.

Он поднял меч, поднялся с земли, отряхнул колени. Отошёл на несколько шагов, разминая шею.

— А теперь нападай ты, — сказал он, кивнув.

На губах Ягини заиграла ехидная улыбка. Будто она говорила: «И не пытайся, ничего у тебя не выйдет». Она подняла меч, встала в стойку — лёгкую, почти танцевальную.

И они снова сошлись.

Удар. Второй. Третий. Пятый. Десятый.

Мечи звенели, искры летели в стороны. Ягиня атаковала быстро, но не хаотично — в её движениях чувствовалась школа Мараны, та самая воинская выучка, которую она впитывала годами. Костя защищался, отступал, уворачивался, и постепенно начал понимать её ритм.

Она бьёт сверху — уходит влево. Она колет прямо — уходит вправо. Она делает выпад — он делает шаг назад. Один, другой, третий.

Из защиты Костя перешёл в нападение. Ягиня продолжала улыбаться, отбивая удары так легко, будто играла с ребёнком. Но Костя не отступал.

Он ждал.

Секунда — её лезвие ушло слишком далеко в сторону. Мгновение — корпус открыт. Костя не стал бить мечом. Он

шагнул вперёд, развернул её свободной рукой, подставил ногу — подножка получилась чистой, почти невесомой.

Ягиня почувствовала, как земля уходит из-под ног. Руки взметнулись в стороны, меч выпал. Она готовилась рухнуть на траву — не больно, но обидно.

Но падения не случилось.

Костя подхватил её. Одной рукой, за талию. Удержал, прижал к себе.

Они были лицом к лицу. Так близко, как никогда раньше.

Дыхание Кости обжигало её щёки. Глаза — небесно-голубые, чистые, серьёзные — смотрели прямо в её зелёные. Ни тени насмешки, ни торжества.

Только что-то другое. Глубокое, тёплое, невысказанное.

И он поцеловал её.

Нежно. Осторожно, будто боялся, что она исчезнет, растворится, как дым.

Губы его были тёплыми, живыми. Костя пах лесом, травой и чем-то далёким, забытым, от чего у Ягини закружилась голова.

На секунду она забылась. Ощутила, как сердце замерло, как внутри всё перевернулось, а потом взорвалось горячей, непрошеной радостью.

Но только секунду.

Ягиня вырвалась из его рук.

— Дурак! — бросила она ему в лицо.

Она вывернулась, подхватила свой меч с земли, скорчила

обиженную гримасу — ту самую, которую Костя уже видел однажды, когда Ягиня была маленькой девочкой, просунувшей хлеб сквозь прутья решётки.

Она развернулась и пошла прочь с поляны. Быстро, почти бегом. Костя остался стоять, провожая её взглядом.

Она не обернулась.

Но когда скрылась за деревьями, когда поняла, что её никто не видит, Ягиня остановилась. Опустила меч. Прижала пальцы к губам — там, где его губы касались её губ. В груди колотилось, щёки горели, а на лице расплылась глупая, совершенно дурацкая улыбка.

— А я тебя всё равно победила, — прошептала она в пустоту.

И сорвалась на бег — в избушку, к своей печи, к своим травам и пузырькам, подальше от этого невозможного, нелепого, сводящего с ума солдата с голубыми глазами, который поцеловал её так, будто она была единственным сокровищем в мире.

Костя стоял на поляне. Поднял свой меч, посмотрел на лезвие, где в отражении танцевали облака.

— Дурак, — повторил он слова Ягини. И усмехнулся.

Пошёл к избушке, не торопясь. Ветер трепал волосы, птицы пели, а в груди у него было тепло и пусто одновременно. Пусто — потому что её не было рядом. Тепло — потому что она была.

Он знал: она не злится. Она испугалась. Испугалась того,

что между ними происходит. И он не знал, как ей сказать, что боится не меньше. Но уходить — не собирается.

Глава 13. Первая неловкость

В избушку они вернулись порознь.

Ягиня влетела первой — меч в угол, сама на лавку. Села, обхватила колени руками, уставилась в стену. Не зажгла свечи. Не заговорила. Только слушала, как за окном шуршит ветер и где-то в печи потрескивают догорающие угли.

Костя появился через полчаса. Не спросил, почему темно. Просто сел напротив — на ту же лавку, но на другой край, так, чтобы не касаться. Молчал.

Они молчали долго. Так долго, что Ягиня начала считать удары своего сердца. Сто тридцать семь. Сто тридцать восемь. Сто тридцать девять.

— Ты не ужинала, — сказал Костя.

— Не хочу, — ответила она.

— Я принесу воды.

— Не надо.

Костя не двинулся с места. Сидел, смотрел на свои руки. Ягиня украдкой, сквозь полумрак, разглядывала его профиль. Скулы, нос, волосы, упавшие на лоб.

— Ты... — начал он и замолчал.

— Что?

— Ничего. Спи.

Она легла, отвернулась к стене, натянула плащ до подбородка. Долго не могла уснуть. Прислушивалась к его дыха-

нию — ровному, спокойному, будто он давно уже спал. Или делал вид.

На следующее утро Костя встал на рассвете, но Ягиня уже была у печи. Молча разожгла огонь. В избушке было сыро и прохладно. За окном лил дождь. Он сел на своё место — на лавку у стены. Никто не поздоровался.

Она варила кашу. Он чинил старую пряжку на её поясе. Тишина висела между ними тяжёлая, как намокшее одеяло.

— Каша готова, — сказала Ягиня, не оборачиваясь.

Костя подошёл, взял миску. Их пальцы не коснулись — она специально отодвинула посуду на край стола.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что.

Она села к нему спиной — на другую лавку. Ела молча. Смотрела в окно на серое дождливое утро.

«Что со мной? — думала Ягиня, чувствуя, как горит затылок от его взгляда. — Я ведьма, я не должна бояться. Я сражалась с упырями, враждовала с отцом, украла душу у смерти. А тут просто взгляд. И сердце выпрыгивает».

Костя тоже молчал. Но внутри него росло глухое, тяжёлое чувство: он сделал что-то не так. Переступил черту. И теперь она избегает его — не потому, что не хочет быть рядом, а потому что не знает, как быть рядом после того поцелуя.

Следующие дни стали испытанием.

Через два дня, когда дождь наконец утих, они чистили корни.

Ягиня мыла корешки в миске с водой, Костя сидел рядом — на расстоянии вытянутой руки. Молчали. Только вода плескалась да сухие ветки потрескивали в печи.

Она старалась не смотреть на него. Но чувствовала — он смотрит. И от этого взгляда внутри всё переворачивалось.

Костя протянул руку за ножом — и его пальцы на мгновение коснулись её.

Ягиня отдёргнула руку так резко, что нож упал на пол. Звякнул о доски, отскочил в угол.

— Я — начала она и замолчала.

Костя наклонился, поднял нож. Протянул обратно — медленно, осторожно, будто боялся, что она снова отдёргнется.

— Спасибо, — сказала она, беря нож, но не глядя на него.

Голос её был чужим, отстранённым. До самого вечера они не обмолвились больше ни словом.

А ночью Ягиня лежала с открытыми глазами и перебирала в памяти мгновение — его пальцы, её пальцы, секундное тепло. «Дура, — шептала она себе. — Дура. Он просто хотел помочь. А ты ведёшь себя как нашкодившая девчонка».

Но сердце не слушалось. Сердце пело.

В другой раз Ягиня попросила принести дров.

Костя принёс целую охапку, сложил у печи. Она перебирала пузырьки и делала вид, что не замечает, как он замер у неё за спиной. Стоит, смотрит. Ждёт, когда она обернётся.

— Чего тебе? — спросила она, не оборачиваясь.

— Ничего. Просто...

— Просто что?

— Просто ты красивая, — выдохнул Костя.

Ягиня замерла. Пузырёк в руке дрогнул. Она поставила его на стол, вытерла ладони о фартук. Повернулась. Посмотрела на Костю — в упор, впервые за много дней.

— Не говори так, — сказала она тихо.

— Почему?

— Потому что — она запнулась, отвела взгляд.

Она не договорила. Костя хотел ещё что-то сказать, но слова застряли в горле. Он просто стоял и смотрел, как она снова отворачивается к столу, берёт ложку, помешивает зелье. Её руки дрожали.

После того разговора они стали ещё молчаливее.

Ягиня перестала просить его о помощи даже в мелочах. Костя сам искал себе занятие — то дрова поколет, то крышу осмотрит, то переделает то, что уже сделал вчера. Избегали друг друга, как будто каждый шаг навстречу мог разрушить что-то хрупкое, невысказанное.

Она одёргивала руку каждый раз, если их пальцы случайно касались — когда передавала пузырёк или ложку. Делала вид, что так и надо. Говорила только по делу, коротко, отрывисто. И ходила в лес одна, отказываясь от помощи.

— Я сама, — бросала она на ходу, даже не оборачиваясь.
— Ты лучше дверь подправь.

Костя подправлял дверь. Потом переделывал то, что уже сделал. Потом садился на крыльцо и смотрел в сторону леса,

где скрывалась Ягиня, и ждал.

Шли дни. Тяжёлые в своей неопределённости.

Костя терпел. День, два, три. Смотрел, как её пальцы дрожат над пузырьками, как она вздрагивает, когда он входит в избу. И с каждым днём внутри росло глухое, тяжёлое чувство: он теряет её. Не потому, что сделал что-то не так. А потому, что боится спросить, что именно сделал не так.

«Что, если она хочет, чтобы я ушёл? — думал он по ночам, глядя в потолок. — Что, если мой поцелуй был ошибкой?»

Он не спал. Она тоже.

Наступил новый день. Серый, промозглый, с мелким дождём, который барабанил по крыше избушки. В печи потрескивал огонь, на столе теснились пузырьки, и Ягиня варила очередное зелье — от лихорадки, кажется, или от простуды. Она сама уже не помнила.

Она перебирала склянки, сверялась с записями в гримуаре, сыпала щепотки порошка в котёл. Делала вид, что занята. Очень занята. Настолько, что даже головы не поднимает.

Костя сидел на лавке у стены и наблюдал.

Не отводил взгляда. Смотрел, как её пальцы дрожат, когда она берёт пузырёк. Как она замирает на секунду, чувствуя его взгляд. Как потом делает вид, что ничего не случилось, и продолжает мешать варево.

От этого наблюдения Ягине становилось ещё более неловко. Она постоянно что-то роняла, опрокидывала, проливала. Но старалась не подавать виду.

Костя смотрел на неё не отрываясь. Смотрел так, будто пытался силой взгляда заставить её поднять голову. Ягиня чувствовала его взгляд — тяжёлый, требовательный. Руки дрожали. Она уже третий раз перекладывала пузырьки с места на место, чтобы не сидеть без дела.

Костя молчал, но это молчание было громче любых слов. Пузырёк с мутной зелёной жидкостью выскользнул из её пальцев, покатился по столу, звякнул о край и упал на пол. Покатился дальше — напрямик к ногам Кости.

Костя встал. Сделал шаг, другой. Подошёл вплотную. Ягиня почувствовала его тепло — даже не касаясь. Он протянул пузырьрёк, но она не взяла. Смотрела на его пальцы, замершие в воздухе.

— Возьми, — сказал он хрипло.

Она взяла. Их пальцы соприкоснулись на мгновение. Она отдернула руку, будто обожглась.

— Нет. Я так больше не могу, — сказал Костя.

Не громко, но твёрдо. Так, что Ягиня замерла.

Он обогнул стол. Подошёл к ней вплотную. Взял за плечи — осторожно, но крепко, чтобы не вырвалась.

— Скажи, что происходит? Я тебе надоел? Ты хочешь, чтобы я ушёл? Скажи!

Ягиня молчала. Смотрела на его руки, на его пальцы, сжавшие её плечи. В груди колотилось, в голове шумело.

— Скажи, — повторил Костя тише. — Пожалуйста.

Она подняла голову. Наконец-то посмотрела ему прямо в

глаза — в эти небесно-голубые, которые снились ей каждую ночь.

— Нет, — ответила она. Голос её был тихим, но твёрдым.
— Конечно нет. С чего ты взял?

— С того, — Костя не отпускал её плечи, — что ты избегаешь меня. Ты больше не говоришь со мной, не просишь помочь, даже не смотришь в мою сторону!

— Смотрю, — тихо ответила Ягиня и снова опустила глаза. — Смотрю когда ты не видишь.

Костя замер. Пальцы его дрогнули, но он её не отпустил.

— Я не понимаю, — начал он.

— Значит, ты глупый, — Ягиня подняла взгляд, и на губах её заиграла смущённая, почти виноватая улыбка. — Хотя я и ведьма, но я женщина.

Она залилась краской. Щёки её пылали, она хотела отвернуться, спрятаться, но Костя держал.

— А-а-а — протянул он, и в глазах его зажглось понимание. — Всё же нравлюсь.

Костя победно улыбнулся. Широко, по-мальчишески, с облегчением и радостью.

Ягиня оттолкнула его — не сильно, так, для виду. Отвернувшись к котлу, схватила деревянную ложку и принялась яростно мешать зелье, делая вид, что ей очень нужно тщательно перемешивать варево.

— А я тебе? — спросила она, не поворачиваясь.

Голос её звучал глухо, но в нём слышалась та самая глу-

пая, счастливая улыбка, которую она прятала от него.

Костя не ответил сразу. Он ждал. Давал ей время. Смотрел, как её плечи понемногу расслабляются, как ложка в руке замедляет бег.

— А я тебе? — повторила она, уже тише.

— Если бы мне пришлось ещё раз спуститься в Навь, чтобы быть с тобой, — сказал он, — я бы это сделал.

Ягиня замерла. Ложка застыла в воздухе.

— Дурак, — прошептала она.

Но в голосе её не было злости. Было тепло. Было то самое чувство, которое она так долго прятала, боясь себе признаться.

Она медленно, очень медленно, отложила ложку. Повернулась к нему — уже не отталкивая, не отворачиваясь. Посмотрела в его глаза. Увидела там отражение своих — растерянных, счастливых, испуганных.

Костя протянул руку. Не к плечу, не к лицу — просто руку, ладонью вверх. Приглашение. Выбор.

Ягиня смотрела на его ладонь. Шершавая, с мозолями, с тонкими шрамами — следы войны, которую он прошёл. И следы работы, которую он делал для неё.

Она вложила свою ладонь в его.

Пальцы сомкнулись. Тепло его руки разлилось по её коже, поднялось выше, добралось до сердца.

— Всё ещё боишься? — спросил Костя тихо.

— Немного, — честно ответила она. — Но уже не так.

— Я тоже.

Он притянул её к себе, обнял — нежно, осторожно, будто она была сделана из утреннего тумана. Ягиня уткнулась лицом в его грудь, слышала, как бьётся его сердце — ровно, сильно, спокойно. И своё — где-то у горла.

Они не двигались. Долго. Он уткнулся носом в её макушку. Молчал. Она молчала тоже. Не потому, что боялась. Потому что слова были не нужны.

— Мешать будешь? — спросила она, кивнув на котёл.

— Только если ты научишь, — ответил Костя.

— Научу, — сказала она. — Но сироп у тебя всё равно никудышный.

Он засмеялся. И она засмеялась вместе с ним. Впервые за много дней — свободно, без оглядки.

Дождь за окном перестал. Сквозь тучи пробился луч солнца, осветил избушку, разогнал тени по углам. В котле булькало зелье.

Они стояли, обнявшись, у печи, и не знали, что будет дальше. Не знали, сколько дней, месяцев, лет им отпущено.

Но сейчас, в этот миг, им было хорошо. И этого хватало.

А где-то в лесу, на самом краю границы миров, стояла та, которая видела всё. Ни стены избушки, ни самые сильные защитные заклинания не могли уберечь от её взгляда.

Марана не пряталась. Стояла под старой сосной, сложив руки на груди. Глаза её — почти белые, прозрачные, как лёд на замёрзшей реке — сверлили избушку насквозь.

Она видела их. Слышала их смех. Чувствовала их тепло.

— Радуйся, дочка, — прошептала она. — Радуйся. Пока можешь.

И исчезла. Только снежинка упала с неба — в конце лета. И растаяла, не долетев до земли.

Глава 14. Свадебные огни

Прошёл первый месяц осени.

Лес за окном избушки сменил зелёные одежды на золотые и багряные. Листья шуршали под ногами, пахло грибами, прелой листвой и дымком из печей в далёкой деревне. По утрам трава покрывалась инеем — тонким, хрупким, тающим от первого луча солнца. Но днём ещё грело, не полетному, но ласково, и они подолгу сидели на крыльце, пили травяной чай и смотрели, как облака плывут над верхушками сосен.

Ягиня и Костя наслаждались друг другом.

Это было странное, почти забытое чувство — быть счастливым без причины, просто потому что он рядом. Она ловила себя на том, что улыбается, когда он чинит крышу, что задерживает взгляд на его руках, когда он режет хлеб. А он, проходя мимо, мог вдруг остановиться, обнять её со спины и уткнуться носом в макушку. Молча. И этого молчания хватало.

Они гуляли по лесу, держась за руки, как дети, которым впервые разрешили выйти за околицу без взрослых. Костя срывал для неё рябиновые ветки, вплетал в волосы. Ягиня смеялась — звонко, свободно, без оглядки на то, что она ведьма, а он почти воскресший солдат.

— Ты как девчонка, — говорил он.

— А ты как мальчишка, — отвечала она.

И они смеялись оба.

По вечерам, когда луна поднималась над верхушками сосен, они выходили на крыльцо. Смотрели на звёзды, считали их, но всегда сбивались. Костя обнимал её за плечи, прижимал к себе. Она утыкалась носом в его грудь и слушала, как бьётся сердце — ровно, сильно, уверенно. Ей казалось, что она никогда не слышала ничего прекраснее.

— Не замёрзла? — спрашивал он.

— С тобой нет, — отвечала она.

И они целовались — долго, нежно, будто пробовали друг друга на вкус. Ветер трепал их волосы, луна освещала лица, а где-то в лесу ухал филин и, казалось, одобрительно кивал.

В прохладные ночи они согревали друг друга объятиями. Костя укрывал её своим плащом, она прижималась к нему всем телом, и в избушке становилось тепло — даже когда огонь в печи почти догорал.

— Ты веришь, что это навсегда? — спросила она однажды шёпотом, уже в темноте, когда они лежали рядом и смотрели в потолок.

— Я хочу верить, — ответил он.

Она промолчала. Потому что сама не знала ответа.

В Буяне начался сезон свадеб.

Ягиня узнала об этом случайно — услышала от торговки на рынке, куда ходила за бытовыми покупками. Та радостно стрекотала, прихлёбывая из глиняной кружки:

— Ох, красавица, у нас нынче такая свадьба! Всю неделю гулять будут! Приезжай, погляди, не пожалеешь! Приглашаю тебя! И дружка своего бери, видела я его. Такой ладный!

Ягиня покраснела — впервые в жизни от того, что кто-то назвал Костю её «дружком». Купила у торговки ленту — алую, шёлковую — и, не зная зачем, сунула в карман.

Она вернулась в избушку сияющая, как начищенный самовар.

— Костя! Костя! — она вбежала, чуть не сбив его с ног. — Мы едем на свадьбу!

— Куда? — он оторвался от починки обуви, зажатую в зубах щепку выплюнул. — Зачем?

— В соседнюю деревню! Свадьба! Гулянья! Костры! — она схватила его за рукав и потянула к выходу. — Ты что, никогда не был на свадьбе?

— Был, — ответил он хмуро, но глаза его смеялись. — На двух, после того как меня повесили. Солдаты — народ весёлый.

— Ну вот, тогда тебе есть с чем сравнивать! — Она уже натягивала свой звёздный плащ поверх любимого изумрудного платья, поправляла волосы, придирчиво оглядывала себя в маленьком осколке зеркала, найденного в лесу. — Пойдём скорее, а то пропустим самое интересное!

Костя, глядя на её суету, только усмехался и покачивал головой. Но когда она выбежала на крыльцо, он тихо сказал ей вслед:

— Для меня ты и так красивая.

Она не обернулась. Но улыбнулась — и пошла быстрее.

Дорога до деревни заняла около часа. Они шли лесом, держась за руки, и чем ближе, тем громче слышались голоса, смех, звон колокольчиков.

— Шумно, — заметил Костя.

— Так и должно быть, — ответила Ягиня. — Свадьба — праздник для всех. Чем громче, тем счастливее будут молодые.

Она сама не знала, откуда это знает. Наверное, от матери, которая когда-то, уходя в Явь, обронила: «Люди умеют радоваться. Учись у них».

— Ты бы хотела такую? — спросил Костя.

— Какую?

— Громкую. С песнями, плясками, кострами.

Ягиня задумалась. Представила себя в длинном платье, с венком на голове, а рядом — Костю в чистой рубахе. И почему-то сердце защемило.

— Не знаю, — честно ответила она. — Наверное, да.

Костя сжал её ладонь. И они вышли на околицу.

Деревня гудела.

Свадьба здесь была не просто праздником, а целым обрядом — древним, многослойным, как сама жизнь. Ягиня знала о нём понаслышке от матери, но никогда не видела воочию.

— Смотри, — шептала она Косте, дёргая его за рукав. —

Сваты пришли.

К дому невесты подкатила телега, украшенная лентами и колокольчиками. Сваты — двое мужиков с добрыми, хитрыми лицами — несли в руках каравай и кувшин с брагой. Им открыли не сразу. Из-за двери слышался смех, девичьи голоса, кто-то требовал выкуп.

— Это они так торгуются? — удивился Костя.

— Обряд, — ответила Ягиня. — Символическое отрезание невесты от семьи. Жених должен показать, что он достоин и что ему не жалко.

— А если не заплатит?

— Значит, не судьба.

Костя усмехнулся. Посмотрел на неё.

— А за тебя какой выкуп бы попросили?

— Меня бы не отдали, — ответила Ягиня. — Я сама бы выбрала. И пришла. Без всякого выкупа.

Он сжал её ладонь и поднёс к губам. Поцеловал пальцы — так неожиданно, что Ягиня смутилась и отдернула руку, но потом сама же вложила её обратно.

— Не здесь, — прошептала она. — Люди смотрят.

— Пусть смотрят, — ответил Костя.

Но руку отпустил.

Вечером зажгли костры.

Огромные, в полнеба, они горели на поляне за околицей. Вокруг водили хороводы, пели песни — старые, тягучие, про любовь и разлуку. Женщины плакали. Мужчины пили брагу

и хохотали, обнимая друг друга.

Ягиня и Костя стояли в стороне, прижавшись друг к другу. Смотрели на огонь, как заворожённые.

— Почему невеста плачет? — спросил Костя, когда мимо пронесли девушку в белом, с распущенными волосами.

— Оплакивает свою девичью жизнь, — ответила Ягиня. — Прощается с подругами, с домом, с вольной долей. Говорят, без слёз — не к добру.

— А жених?

— Жениху положено быть весёлым. Он забирает — он радуется.

— Глупо, — сказал Костя.

— Может быть, — согласилась Ягиня. — Но красиво.

Она смотрела на невесту, на её заплаканное лицо, и вдруг поняла: эти слёзы — не от горя. От счастья, которое так велико, что не умещается в груди и выплёскивается наружу.

— Я бы не плакала, — сказала она тихо.

— Я знаю, — ответил Костя.

Они замолчали. Он обнял её крепче.

В центре поляны, у большого дуба, обведённого лентами, стояли молодые. Руки их были связаны одним рушником — длинным, вышитым красными и чёрными нитями. Символ объединения двух родов, двух судеб.

— Их теперь не развязать, пока рушник не порвётся, — прошептала Ягиня.

— А если порвётся?

— Значит, не уберегли.

Костя промолчал. Но пальцы его на её плече чуть сжались.

Позже, когда солнце село и остались только костры и луна, началась пляска.

Деревенские парни и девушки кружились в хороводе, топая ногами так, что земля дрожала. Старики хлопали в ладоши, подпевали. Гармонист заливался, выводя немыслимые коленца.

— Танцуешь? — спросила Ягиня.

— Не умею, — ответил Костя.

— Я тоже.

Они так и стояли в стороне, глядя на огонь, на счастливые лица, на молодых, которые уже не видели никого, кроме друг друга. Но один из музыкантов, дядька с рыжей бородой, вдруг подскочил к ним и вытащил Костю в круг.

— А ну, покажи, как наши молодцы пляшут!

Костя растерялся, но Ягиня засмеялась и захлопала в ладоши. Тогда и он улыбнулся — и пошёл. Неуклюже, в такт гармошке, топчась на месте, но без стеснения. А потом подхватил её за руку и закружил.

— Не умею, — крикнула она.

— А я не умею, — ответил он.

И они кружились — ведьма и воскресший солдат — под смех и песни, под звон колокольчиков и треск костров.

Когда танец кончился, они отошли к краю поляны, тяжело дыша. Ягиня смеялась, поправляя сбившиеся волосы. Костя

смотрел на неё, не отрываясь.

— Ты красивая, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она, копируя его недавние слова.

— Наглая.

— Ведьма.

Они стояли, смотрели друг на друга, и где-то рядом пели, плясали, радовались чужие люди. А у них внутри было тихо и спокойно.

— Ты бы пошла за меня? — спросил Костя.

— Что?

— Ну, свадьба. Обряды. Всё это.

Ягиня долго молчала. Смотрела на огонь, на счастливые лица, на молодых.

— Не знаю, — ответила она наконец. — Я никогда не думала, что выйду замуж. Ведьмы не выходят замуж. Они или живут в одиночестве, или находят того, кто сильнее, и становятся его тенью. Как моя мама.

— А ты не тень, — сказал Костя.

— Спасибо, — она улыбнулась. — Но я боюсь. Боюсь, что отец что Марана что они не позволят.

— Я тебя не отдам, — тихо сказал Костя.

Она подняла на него глаза.

— Ягиня из Нави, — начал он, и голос его дрогнул, — согласна ли ты стать женой воскресшего солдата Константина?

Он сорвал травинку, росшую у ног. Сплёл из неё колечко — тонкое, зелёное, ещё пахнущее землёй. И надел ей на па-

лец.

Ягиня смотрела на кольцо. На его пальцы — грубые, в мозолях, которые сплели такую хрупкую, такую нелепую красоту. В глазах защипало.

— Отец запретит, — прошептала она.

— Нам никто не запретит, — ответил Костя. — Я всё ещё жду твоего ответа. Ты согласна?

— Согласна, — выдохнула она.

Слёзы покатались по щекам — не от горя, от счастья, которое не умещалось в груди.

Костя притянул её к себе и поцеловал — при всех, под хороводы и песни, под треск костров и смех деревенских.

Никто не обернулся. Никто не засвистел. Будто так и надо.

А когда стемнело, и гулянье пошло на спад, молодых повели на брачную ночь. Гости провожали их с песнями, с колокольчиками, с пожеланиями сыновей и дочерей.

Ягиня смотрела им вслед, и в груди у неё разливалось тепло — не только от огня, но и от мысли, что их с Костей ждёт нечто подобное. Что когда-нибудь они тоже будут стоять под рушником, водить хороводы и принимать поздравления.

— Пойдём, — сказал Костя, обнимая её за плечи.

Они пошли к избушке. Осенний лес шуршал листвой, где-то вдалеке ещё доносились крики и песни. Луна светила ярко, звёзды мерцали, и Ягиня чувствовала на пальце тонкое травяное кольцо.

— Знаешь, — сказала она, когда они скрылись в темноте,

— я хочу запомнить этот вечер. Навсегда.

— Мы запомним, — ответил Костя.

— Я не буду плакать на свадьбе, — добавила она.

— Я знаю.

— И выкуп платить не заставлю.

— Я знаю.

— И рушник не порвётся.

— Я знаю.

Она остановилась, повернулась к нему, посмотрела в глаза.

— Откуда ты всё знаешь?

— Потому что я тебя люблю, — сказал он просто.

Она не нашлась, что ответить. Только прижалась к нему крепче и поцеловала — уже не при всех, не под песни и костры, а просто так. Для себя.

И они пошли дальше. Держась за руки. Слушая, как в ночи затихает свадебное веселье, как где-то плачет невеста, отпуская детство, а где-то смеётся жених, встречая новую жизнь.

Луна светила ярко, звёзды мерцали, и где-то там, в лесу на границе миров, Марана смотрела на них — издалека, невидимая, холодная.

— Свадьба? С заложным? — прошептала она. — Ты совсем ополоумела, дочь моя. Не бывать этому.

И исчезла. Только несколько снежинок осталось на траве, да осиновый лист упал на тропинку — красный, как кровь.

Глава 15. Холодный совет

Морок жил на севере, там, где вечная мерзлота. Где никогда не бывает лета. И главная причина тому — он сам.

Его жилище не было избушкой или дворцом. Он не строил — он замораживал. С годами льды сами сложились в причудливые арки и гроты, стены, сверкающие синим и зелёным, потолок, с которого свисали сталактиты. Воздух здесь был таким холодным, что каждый вдох обжигал горло, а выдох превращался в облачко мелких ледяных кристаллов. Здесь не было печей, не было огня. Только лёд, снег и тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра, которое то нарастало до пронзительного свиста, то затихало до едва слышного шороха.

Будучи детьми Мороза, Марана и Морок обладали магией холода. Только Марана меняла времена года, управляла снегами и метелями, даруя земле отдых зимой и пробуждение весной. А вот Морок замораживал всё, где появлялся. Не потому, что не мог сдержать свою силу, а потому что не хотел.

Солнечное тепло, зелень, пение птиц и журчание тёплых вод казались ему иллюзией счастья, которого на самом деле не существует. А вот льды, иней и невыносимая стужа полностью отражали его видение мира. Честное, без прикрас.

Сегодня он стоял на берегу замёрзшего озера. Небо над

ним было низким, серым, сливающимся с белой равниной на горизонте. Ни ветки, ни куста. Только лёд, снег и холодный ветер, который нёс позёмку, и мелкие ледяные иглы больно кололи лицо.

Морок замораживал воду. Лёд и без того был толстым в несколько аршин, но он продолжал пускать по нему новые трещины, наслаждаясь хрустом, который раздавался как далёкий раскат грома под толщей замёрзшей реки. Сам лёд уже не выдерживал его силы и начинал трещать, издавая жалобный, скрежещущий звук, но Морок не останавливался.

«Сколько можно? — думал он. — Сколько раз она будет приходить с просьбами?» Он не ждал сестру. Не хотел её видеть. Но чувствовал её присутствие. Холодный ветер принёс знакомый запах — иней и далёкие звёзды. Она здесь.

— Здравствуй, брат мой, — раздалось за спиной.

Голос был холодным, но не таким, как ветер. В нём слышалась знакомая, почти родная интонация.

Морок не обернулся.

— Приветствую тебя, сестра, — ответил он. — Давно ты не заглядывала в мои края. Соскучилась по стуже?

— Мне нужна твоя помощь, — сказала Марана, подходя ближе. Её сапоги почти не касались льда — она скользила над ним, оставляя за собой едва заметную морозную рябь.

На ней был тот же плащ из ночного неба, но звёзды сегодня не горели — они сжались в маленькие холодные точки, едва заметно пульсирующие в такт её дыханию, будто им то-

же было неуютно здесь.

— Тебе, великой богине зимы и смерти, нужна помощь отшельника Морока? — Морок наконец обернулся. В его глазах застыла издёвка.

— Не поясничай, — ответила Марана. — Речь о твоей племяннице.

— О той самой, что вы держали в Нави? О малышке, которую я и в глаза не видел? — Морок скрестил руки на груди. — И что с ней? Заблудилась в Яви? Влюбилась в лешего?

— Эта малышка уже давно выросла и, кажется, лишилась разума, — холодно сказала Марана. Она сделала ещё шаг, и под её ногой треснула тонкая ледяная корка, издав острый, звенящий звук. И рассказала ему всё.

О душе заложного солдата, которого Ягиня пожалела. О том, как она украла эту душу из Нави, нарушив древние законы. О том, как вернула ему тело — кость за костью, мышцу за мышцей, кожу за кожей. И о том, что теперь они собираются пожениться.

Морок слушал, не перебивая. А когда Марана замолчала, он рассмеялся. Негромко, но искренне. Его смех был похож на треск лопающегося льда — сухой и колючий.

— И что такого? — спросил он. — Ну поженятся, ну проживут. Он же человек, так? Сколько ему там ещё жить осталось? Лет сорок, пятьдесят? Он умрёт, а Ягиня вернётся в лоно семьи. Или, может, ты боишься, что они наделают детей-полукровок?

— Ты не понимаешь, — Марана шагнула ближе. Её почти белые глаза вспыхнули. В воздухе запахло озоном — предвестником сильной метели. — Она не просто влюбилась. Она готова пожертвовать всем ради него. А он человек. Люди бывают расчётливы, злы. Я видела, как дети хоронят своих родителей, а вместо печали в их душах — корысть. Они радуются наследству. Видела, как супруги на похоронах думают не об утрате, а о том, что теперь могут соединиться с теми, кого действительно любят. Видела родителей, которые губили своих детей и доводили их до могилы. Ягиня ещё наивна как дитя. Мало ли, что он попросит у неё? Она же ведьма. Сильная, влюблённая, глупая ведьма. Она не понимает, что заложным покойником становятся не просто из-за непогребённого тела. Их судьба сама приводит к этому. Что заложные — это тёмные души. И он не такой, каким кажется ей. Я чувствую это. И если они поженятся, он обретёт ещё больше власти над ней. Не известно, на что Ягиня может пойти ради него, но уже понятно, что на многое. Я думала, она наиграется в спасительницу, и их пути разойдутся. Но я ошиблась.

Морок задумался. Под его ногами лёд перестал трещать. Ветер стих. Наступила неестественная, давящая тишина. Только где-то далеко, под толщей льда, глухо застонала замёрзшая река — будто живое существо, которое больше не могло терпеть.

Он вдруг вспомнил, как они с Мараной были детьми. Бе-

гали по замёрзшим рекам, соревновались, кто быстрее заморозит ручей. Как она смеялась — тогда она ещё умела смеяться. Её смех звенел, как маленькие ледяные колокольчики на ветру. А потом отец отдал ей власть над временами года, а ему — вечную мерзлоту. «Ты слишком любишь холод, — сказал он. — Ты станешь его хранителем». С тех пор они виделись редко. Марана приходила к нему только тогда, когда ей действительно нужна была помощь. Когда её сил было недостаточно.

— И что ты предлагаешь? Убить жениха?

— Нет, — сказала Марана. Её голос стал тише, почти шёпотом, но каждое слово врезалось в морозный воздух, как лезвие. — Если он умрёт, она возненавидит нас навсегда. Я хочу, чтобы ты ускорил проявления его истинной человеческой сути. Не смертью. Сомнением. Ты умеешь сеять холод не только в землю, но и в сердца.

Морок усмехнулся.

— Сеять холод в сердцах Это я умею. Но чем я займусь? Буду ходить за ними по пятам и нащёптывать гадости?

— Придумай сам, как это сделать. Ты же мастер наваждений. Не мне тебя учить. Мне нужно, чтобы ты ускорил то, что и так в нём рано или поздно проявится.

Морок долго молчал. Он смотрел на бескрайнюю ледяную гладь, и в его почти белых глазах отражались низкие серые облака. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, сестра. Я сделаю это. Но не ради тебя и не ра-

ди Нави. А ради того, чтобы посмотреть, как рушатся иллюзии. Твоя дочь верит в сказку — я помогу ей увидеть правду.
— Договорились, — сказала Марана.

Она развернулась и шагнула в зеркальную гладь замёрзшего озера. Лёд под её ногами не треснул — он принял её, обнял холодом, и фигура её начала таять, как утренний туман над рекой. И она исчезла. Только вихрь снежинок парил в морозном воздухе.

Морок остался один. Посмотрел на озеро, на бескрайнюю белую равнину, на низкое серое небо.

«Племянница, — подумал он. — Я не видел тебя никогда. Но если ты похожа на неё если в тебе есть хоть капля её наивности и гордости» Он усмехнулся. «Будет интересно».

— Что ж, племянница, — прошептал он. — Посмотрим, из чего ты сделана.

Он взмахнул рукой — и снежный вихрь подхватил его, унося прочь. Снег закружился с такой силой, что белый мир на мгновение стал непроглядным. На том месте, где он стоял, осталась только глубокая воронка во льду, и края её начали медленно зарастать тонкими иглами инея, стирая след, — будто его и не было вовсе.

Глава 16. Свадебные хлопоты

Ягиня достала из своих закромов белую ткань — ту самую, что купила на рынке, когда едва смастерила избушку. Тогда она думала: ткань пойдёт на скатерти, шторы, рушники. Брала с запасом, планировала вышивать узоры одинокими вечерами, когда в избушке будет только ветер за окном да потрескивание углей в печи.

А теперь ткань лежала на столе, и Ягиня разглаживала её дрожащими руками.

— Смотри, — говорила она Косте, растягивая полотно. — Видишь, какой отлив? Будто снег в лунном свете.

Костя сидел на лавке, в руках у него была деревяшка и нож. Он что-то вырезал — сосредоточенно, не спеша.

— Рукава я сделаю широкие, — продолжала Ягиня, прикладывая ткань к плечу. — А вышивку пушу по подолу и на воротах. Узоры будут — цветы и птицы. И ещё

Она замолчала, достала из кармана алую ленту — ту самую, что купила у торговки, которая пригласила их на свадьбу.

— Красная лента, — сказала она тихо. — На пояс. Я её тогда взяла, сама не зная зачем. А теперь знаю.

Костя отложил нож и деревяшку. Подошёл, встал за её спиной, обнял.

— Ты в любом платье красавица, — сказал он, уткнув-

шись носом в её макушку.

— А в этом буду ещё краше, — ответила Ягиня, и в голосе её звучала такая счастливая, почти детская гордость, что Костя невольно улыбнулся.

Он вернулся к своей деревяшке. Ягиня смотрела, как его пальцы — грубые, в мозолях — осторожно вырезают что-то, шарик за шариком.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Потом узнаешь, — ответил Костя, не поднимая головы.

— Это будет мой выкуп.

— Выкуп? — Ягиня прищурилась. — За меня?

— А ты думала, я тебя просто так заберу? — он усмехнулся. — По всем правилам положено выкуп платить. Вот и будет у меня гостинец.

— Хорош выкуп из деревянных шариков, — засмеялась Ягиня.

— А ты посмотри сначала, что получится, — ответил Костя загадочно.

Они засмеялись оба. И тишина в избушке стала уютной, почти праздничной.

Днём они ходили в лес. Готовили ветки и сухостой для праздничных костров. Лес уже разделся почти до половины, под ногами шуршали листья, пахло грибами и приближающимися холодами.

— Надо бы Знича позвать на свадьбу, — сказала Ягиня, собирая охапку хвороста. — Он нам помог. Без него я бы не

нашла твоё тело.

— Конечно, — ответил Костя. — А кто ещё будет? Знакомых у нас мало. Только Вий да Марана.

Костя засмеялся — негромко, но с весёлой ноткой. Ягиня же загрустила.

— Даже если бы отец не был против, он не пришёл бы, — сказала она. — Он почти не покидает Навь. И как ты себе это представляешь? Огромная смертоносная глыба на свадебном пиру?

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла грустной.

— А вот мама — Ягиня задумалась. — Мама могла бы. Она выходит в Явь, меняет времена года, она могла бы. Но навряд ли она согласится.

— Ты хочешь её позвать? — спросил Костя.

— Должна, — ответила Ягиня. — Они должны знать, что их дочь счастлива. Что у неё скоро будет муж, а потом, может быть, и дети.

Она прильнула к Косте. Он обнял её, прижал к себе.

— Конечно будут, — ответил Костя. — Я хочу, чтобы у нас была дочь. С такими же зелёными глазами, как у тебя.

— Или сын, — подхватила Ягиня, — с голубыми глазами, как у папы.

Она подняла голову, посмотрела на него. Он поцеловал её — нежно, долго, будто обещая, что всё это сбудется.

И казалось, что лучше и быть не может.

Вечером они сидели у печи, Ягиня перебирала пузырьки,

но мысли её были не о зельях.

— Можно позвать гостей из деревни, — размышляла она.
— Тех, у кого мы были на свадьбе. И торговцев с рынка.

— Можно, — ответил Костя. — Торговцы ещё могут подарить что-то нужное. Скатерть, например. Или горшок.

— Ах, так! — Ягиня шутливо пнула его в бок. — Да вы меркантильны, сударь!

— Я будущий муж, — деловито ответил Костя, даже бровью не повёл. — Мне нужно думать о достатке в семье.

— Хорошо, муж мой, — ответила Ягиня, — будь по-твоему.

Она встала, одёрнула платье.

— Тогда я пойду на рынок. Торговцы меня лучше знают, чем тебя. Приглашу их, а заодно прикуплю лент да ниток — вышивку закончить.

— Ступай, — сказал Костя. — А я пока половицу починю. Негоже невесте по скрипящему полу ходить.

Ягиня поцеловала его в щёку, накинула звёздный плащ и вышла.

Лес встретил её свежим ветром. Где-то вдалеке уже начинало смеркаться, но она шла быстро, почти бежала — такая радость переполняла её, что хотелось петь.

«Свадьба, — думала она. — Моя свадьба. Я выхожу замуж».

И сердце колотилось, как у той девчонки, которая когда-то просунула хлеб сквозь прутья решётки и не знала, что

этот солдат с голубыми глазами станет её судьбой.

Тропинка вилась между сосен, освещённых заходящим солнцем. Ягиня шла по ней, и каждый шаг отдавался в груди радостным эхом. Она шла на рынок — туда, где когда-то впервые меняла травы на соль, где купцы косились на неё с опаской, а старухи крестились за её спиной. Теперь её встречали улыбками. Приглашали на свадьбу. Дарили подарки.

В голове кружились мысли: каким будет платье? Костя что-то вырезает из дерева — неужели серьги? Или браслет? Она улыбнулась своим догадкам.

Ветви задевали плечи, сбрасывая последние жёлтые листья. Пахло грибами и влажной землёй. Где-то вдалеке прокричала сойка — резко, тревожно, но Ягиня не обратила внимания. Она была слишком счастлива, чтобы слышать тревожные звуки.

«Всё будет хорошо, — думала она. — У нас будет дом, семья, дети. Костя будет сильным, я — мудрой. И никто, даже отец, не сможет нам помешать».

На рынке её встретили как старую знакомую.

— А, травница! — улыбнулся Сарынь, тот самый купец, что подарил ей изумрудное платье. — Что на этот раз? Снова за зельями?

— Нет, — ответила Ягиня, и щёки её запылали. — Я за другим. У меня свадьба.

Сарынь вытаращил глаза.

— Свадьба? Та самая травница — и замуж?

— Да, — сказала Ягиня. — Хочу тебя пригласить. Хочу пригласить всех! — Ягиня, подняв руки, крикнула на весь рынок.

Сарынь расплылся в улыбке, торговцы захлопали в ладоши. Ягине несли ленты и бусы — в подарок. Отказаться было невозможно.

Торговки тоже радовались, суеились, наперебой обещали прийти. Ягиня шла по рынку, и казалось, что весь мир улыбается ей в ответ.

А на выходе, у старого колодца, стояла незнакомка в тёмном плаще. Она плакала — не всхлипывала, а тихо, почти беззвучно, плечи её дрожали, а пальцы судорожно сжимали край потрёпанного платка.

«А думала ли ты, дорогая племянница, — подумал Морок, — что твой Костя может променять тебя на другую? Сейчас узнаем».

Ягиня подошла ближе.

— Что ты плачешь, милая? — спросила она мягко. — Обидел кто?

Девушка подняла голову. Глаза её красные, распухшие, по щекам текли слёзы. Она посмотрела на Ягиню — сначала испуганно, потом с какой-то горькой узнаваемостью.

— Нет, — ответила девушка, отворачиваясь. — Не хочу говорить. Ты замуж выходишь. Зачем тебе моя история.

Ягиня оглянулась. Торговцы уже не смотрели на неё — они сворачивали свои товары, собирали лотки, готовились

к закрытию. Рынок затихал, только где-то в конце ряда ещё переругивались две старухи у кадки с соленьями.

— Мне некуда спешить, — ответила Ягиня, присаживаясь рядом на край колодца. — Поделишься. Может, я смогу чем-то помочь?

Девушка всхлипнула, вытерла нос рукавом.

— Да чем тут поможешь, — сказала она глухо. — Свою я свадьбу вспомнила. Я тоже как ты веселилась, радовалась. Скупала украшения, одежду, да кухонную утварь в общий дом. А он

Голос её прервался. Она закрыла лицо ладонями и зарыдала — навзрыд, не стесняясь прохожих, которые косились, но не вмешивались.

— И год не пожили, — выдавила она из себя. — Как он другую нашёл. Всё — любовь прошла. Все мужики такие. Все на сторону идут И твой, наверное, пойдёт.

Ягиня нахмурилась.

— Мой не такой, — отрезала она. — Костя меня любит.

— И мой мне говорил, что любит, — надрывалась девушка. — А как к нам в деревню новая девушка приехала — помоложе, покраще, — так он сразу к ней и ушёл. А я одна осталась.

Она снова всхлипнула и замолчала. Слезы всё ещё текли, но тихо, без истерики.

Ягиня сидела рядом, не зная, что сказать. Внутри что-то неприятно кольнуло. Она отогнала эту мысль, сунула руку в

мешок и вытащила первые попавшиеся подаренные торговцами бусы — простенькие, стеклярусные, голубоватые.

— Вот, — сказала она, протягивая их девушке. — Возьми и не реви. Будет у тебя новый муж.

Девушка подняла голову, посмотрела на бусы, потом на Ягиню. Взяла молча.

— А ещё настойку возьми, — Ягиня покопалась в своём мешочке, выудила склянку с мутноватой зеленоватой жидкостью. — Настой этот душевную боль утихомирит. Не сразу, но полегчает.

Девушка взяла и склянку, и бусы. Посмотрела на Ягиню долгим, тяжёлым взглядом.

— Спасибо тебе, — сказала она. — Может, ты и вправду будешь счастлива в браке.

— Буду, — ответила Ягиня, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Обязательно буду.

Она встала, отряхнула платье. Девушка осталась сидеть у колодца, сжимая в руках подарки. Ягиня зашагала прочь, к лесу, к тропинке, ведущей к избушке.

Когда она скрылась за поворотом, фигура у колодца замерла, а потом словно размылась. Платок упал, плащ съёжился, и вот уже на месте плачущей девушки стоял высокий худой мужчина с пепельно-белыми волосами, бледной кожей и почти белыми глазами.

Морок.

Он посмотрел вслед уходящей Ягине и усмехнулся.

— Это уже было в тебе, но ты старалась не думать, — прошептал он одними губами. — Вот теперь и подумай.

Он развернулся и исчез, растворился в сумерках, оставив после себя только следы инея на камнях старого колодца.

Ягиня шла быстро, почти бежала, но теперь не от радости — от желания поскорее оказаться дома, в объятиях Кости, где этот странный разговор перестанет казаться таким важным.

Лес встретил её темнотой. Солнце почти село, и между стволами стлались длинные тени. Где-то в кустах зашуршало — мышь или ёжик. Ягиня вздрогнула, но не остановилась.

«Это просто случайная встреча, — убеждала она себя. — Просто несчастная женщина, которую бросили. У нас всё по-другому. Костя не такой».

Но слова девушки застряли в голове, как заноза: «Все мужчины такие И твой пойдёт».

Она представила Костю с другой — моложе, краше. Сердце кольнуло. Она зажмурилась, тряхнула головой, отгоняя видение.

— Нет, — сказала она вслух. — Это не про нас.

Голос прозвучал глухо среди стволов. Лес молчал, не поддерживая и не опровергая.

Она ускорила шаг. Почти побежала. Ветки хлестали по лицу, но она не замечала. Ей хотелось быстрее оказаться в объятиях Кости, почувствовать его тепло, забыть этот странный разговор, который поселил в душе холодный, против-

ный червячок сомнения.

Избушка показалась из-за сосен. Костя стоял на крыльце — ждал её. Увидел, улыбнулся. Ягиня бросилась к нему, обняла, прижалась всем телом.

— Всё хорошо? — спросил он, гладя её по волосам.

— Всё хорошо, — ответила она, пряча лицо у него на груди. — Просто очень соскучилась.

Первый камень был брошен.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.